

Жанна Бочманова

В одну реку
дважды

*Она не из тех,
кто сдаётся...*

16+

Жанна Бочманова

В одну реку дважды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42672624

SelfPub; 2021

Аннотация

Матильда независима и строптива и привыкла полагаться только на себя. У нее есть лучшая подруга, найденный на улице кот и горькие воспоминания о пропавшем без вести любимом человеке. Внезапно в ее жизни начинают происходить страшные события – попытка похищения, обвинение в убийстве, требования вернуть какие-то деньги – и все это как-то связано с событиями десятилетней давности. Люди, которым она доверяла, оказались предателями. А враг, от которого стоило бы держаться подальше, – единственным, кому можно довериться. Для оформления обложки использована фотография с Pixabay по лицензии СС0.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Увидеть и не умереть	6
Глава 2 Волшебная сила искусства	41
Глава 3 Предсказанному верить?	64
Глава 4 Иногда они возвращаются	92
Глава 5 Стечение обстоятельств	125
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Жанна Бочманова

В одну реку дважды

Пролог

Палуба подо мной качалась, коварно пытаясь выскользнуть из-под ног. От каблуков я отказалась сразу, но и босиком меня мотало от стены до бортика. Приятное тепло прогретого за день средиземноморским солнцем дерева грело босые ступни, я уцепилась за поручень и зафиксировала себя в вертикальном положении. Море шумело и брызгало в лицо. Сухие губы щипало солью. «Ты же мечтала о морских путешествиях? Наслаждайся», – с ехидной горечью сказала я себе.

Только два вопроса мучают меня уже который день: как я тут оказалась, и почему меня не тошнит? Если с первым вопросом все более-менее понятно: меня похитили, то второй так и остался загадкой.

Делать мне тут совершенно нечего: я слоняюсь по яхте, валяюсь в каюте на кровати или сижу на палубе под тентом и веду светские беседы с владельцем судна. Ему тоже скучно и он с удовольствием болтает со мной, хоть и знает, что для меня это путешествие закончится, скорей всего, самым печальным образом.

Я свято верю в причинно-следственные связи. И если со следствием все ясно, то вот причина за давностью лет растворилась в памяти в череде всяческих, мелких и не очень, событий. Что ж, времени у меня много, можно попробовать восстановить ход истории. И разобраться, где же тут собака порылась. Хотя нет, не собака, а кот: история эта началась три месяца назад, когда я нашла на улице бездомного потеряшку. Нет, началась она много раньше, но если бы не кот... могла и не иметь продолжения.

Глава 1 Увидеть и не умереть

К вечеру снова подморозило. Я неслась от остановки к дому, аки северный олень к стойбищу. Заветная дверь парадной с тускло мерцающим фонарем была на расстоянии вытянутой руки, как вдруг под ноги попало что-то мягкое, живое, и я чуть было не растянулась на бетонных ступенях. Серый кот прыснул в сторону, недовольно мявкнув, яростно сверкнул зелеными глазами в темноте, но тут же вернулся. Прижав ключ к кнопке домофона, я носом сапога отпихнула беднягу в сторону, тот чуть шевельнулся, но позицию не сдал, и стоило мне только распахнуть дверь, пулей заскочил внутрь.

Вот черт! Лифта у нас нет, я торопливо цокала каблучками по ступеням, а кот бежал следом, горестно завывая. Судя по дороговому кожаному ошейнику, бедолага не так давно был приличным домашним котом.

Февраль в этом году сперва порадовал нас солнышком и почти весенним теплом. Коты, учуяв весну, заполошно заголосили по ночам, призывая подруг. Вот и этот небось ушел из дома в порыве страсти. Я поколебалась, но все же распахнула перед незванным гостем дверь. Так в моем скромном жилище появился новый квартирант.

– Ну и как ты его назвала? – спросила Вилька, подружка

моя закадычная, заехав в гости на следующий день.

– Да шут его знает... – пожала я плечами. – Барсик, Васька...

– Какой же он Васька, – возразила подруга, – вон у него благородное происхождение на морде написано. Прямо королевских кровей, не иначе.

– Ага, принц, – усмехнулась я и пососала едва затянувшиеся царапины на руках – самозванец никак не хотел мыться. Но после санобработки, оказался изумительного белого цвета, с огромным пушистым хвостом.

– Принц, не принц... Маркиз, как минимум. Эй, Маркизом будешь? – позвала кота Вилька. – Смотри, ему нравится. Видишь, глаз сощурил. А глаза-то какие! Ого! Разные, ты видела? А с ухом чего?

– Да подрался, наверное. Куда бы мне его деть? Не умею я с животными обращаться.

– Да, боже мой! Объявление в инет кинь. Там столько этих сайтов с животными наверняка хозяин найдется. Еще и вознаграждение получишь.

Не устаю удивляться, как легко подруга решает все проблемы. Мы настолько разные и как только умудрились подружиться.

Вообще, день, когда я в нетерпении ждала результатов перед дверями приемной комиссии, я помню очень хорошо.

Шанс поступить на бюджет у меня был. Небольшой, но все же и не такой невероятный. Мама тогда еще не встретила своего второго мужа Жору, и учебу за деньги наша мини-семья просто не потянула бы: ценник в институте иностранных языков при университете имени Герцена был солидный. Списки должны были вывесить вот-вот, и толпа абитуриентов в волнении слонялась вокруг.

Я отошла за угол – туда все бегали курить несмотря на запрещающую табличку – и тут-то и увидела ее. Гладкие черные волосы двумя крыльями по бокам высоких скул, прямая челка до четких бровей, матовая кожа, алые полные губы, и какие-то немислимые раскосые глаза изумительно синего цвета, стройные ноги в лаковых туфельках на шпильке, джинсовая мини-юбка, красный джемперок в обтяжку. Помню, что неприлично вытаращила на это диво дивное. Девушка томно курила длинную коричневую сигаретку. Тут она, видимо, заметив мое нездоровое любопытство, махнула по мне синим глазом сверху вниз и чему-то про себя усмехнулась. Такое открытое пренебрежение показалось моему взвинченному ожиданием мозгу слишком вызывающим. Одетая я была без всяких претензий: джинсы, футболка, кроссовки, не ах! конечно, но что уж так усмехаться-то? Я уж было хотела поставить ее на место, но тут девушка раскрыла маленькую лаковую сумочку и протянула мне сигареты в длинной зеленой пачке.

– Ментоловые, правда, – как будто извиняясь, произнесла

она.

– У меня есть, – буркнула я, доставая мятую пачку.

– Ты на какой поступаешь? – спросила девица.

– На французский, – хрипло ответила я и подавилась дымом.

– А-а, – кивнула она, – а я на английский. Не поступлю, хоть домой не иди. – Потом бросила окурков себе под ноги, раздавила подошвой туфельки, стукнула пару раз каблучком по земле и сказала, глядя мне в глаза: – Вильгельмина. Зовут меня так.

Я моргнула пару раз, хрюкнула, затушила сигарету о стену и протянула товарищу по несчастью руку:

– Будем знакомы. Матильда.

Теперь пришла ее очередь моргать и хрюкать.

– Что, правда? – полушепотом спросила она.

– Ага, – вздохнула я.

– Нет, я думала, это только мне так свезло в жизни, а, оказывается... – изумленно произнесла она. И тут мы начали смеяться, как сумасшедшие.

– Ну надо же! – повторяли мы, хватая друг друга за руки, захлебываясь хохотом.

– Я жертва дворянских корней моих предков и бабушкиных суеверий, а ты за что страдаешь? – отсмеявшись, спросила Вилька, предварительно попросив называть ее так, или как иначе, но, ни в коем случае, не полным именем.

– За романтическую любовь, – криво усмехнулась я. – Па-

па у меня на флоте всю жизнь. Вот по молодости, где-то в Польше, в баре, увидел певицу и влюбился.

– А ее, понятное дело, Матильдой звали, – догадалась Вилька.

– Угу, – кивнула я. – Что там у них было – не было, неизвестно, но имя мне досталось.

– Тяжелый случай, – кивнула Вилька. – А мне от бабушки. Она немецких кровей, да и лютеранка еще. А у родителей моих, что-то долго детей не было. Вот бабушка и молилась Святой Вильгельмине вроде как покровительнице рода, и обет дала, что буде ребеночек родится, в честь нее назовет.

– Помогло? – полюбопытствовала я.

– Как видишь, – хмыкнула Вилька.

Списки вывесили, обе мы в них оказались, на радостях пошли отмечать в кафе, потом гуляли по городу. Но по-настоящему нас сблизила поездка в Париж.

Учились мы тогда на третьем курсе. Еще год и можно с дипломом бакалавра выходить в мир, на что, в принципе, рассчитывала Вилька, уже всю строя радужные планы покорения карьерной лестницы. Я, наоборот, мечтала о магистратуре, ну, а потом тоже, в принципе, о какой-никакой карьере.

– Ты в Париж хочешь? – спросила как-то подружка.

– Ага, прямо сейчас и поеду, – хохотнула я.

Вилька покрутила пальцем у виска.

– Кроме шуток, – прошептала она. – Есть возможность поехать в Париж. Я только что узнала от секретаря деканата. Группу студентов отправят в Париж по программе обмена. На две недели. Там жилье и питание за счет принимающей стороны, с тебя только дорога и виза. Сечешь? Еще никто не знает, на следующей неделе объявят. Будут лучших из лучших отбирать.

Я, как всегда, удивилась Вилькиной осведомленности.

– Париж, конечно, хорошо, – вздохнула я, – но нам не светит. Ты же понимаешь, сколько желающих найдется. Лучшие не лучшие, а поедут бластные.

– Посмотрим, – загадочно улыбнулась она. – Кому и ехать-то как не нам, а? – толкнула она меня в бок.

Я, естественно, пожелала ей удачи, не веря ни на мгновение в успех столь безнадежного предприятия. Уж не знаю, как ей удалось, но мы попали в список претендентов.

– Как ты смогла? – удивленно спросила я, узнав о свершившемся факте – мы едем в Париж.

– Все на этом свете решают связи. Я же тебе говорила, бабуля ж моя знакома со многими профессорами. Прадед-то академиком был. Так что один телефонный звонок и весь Париж у нас в кармане. С тобой, кстати, проблем не было, тебя и так хотели взять. Ты же у нас уникам, по-французски шпаришь как по нотам. Меня вот точно по бласту взяли: все ж у меня специализация английский, а французский дополнительный. Так что тебе придется меня подтянуть, а то

у меня впечатление, что я по-французски с английским акцентом говорю.

Поездка намечалась на середину ноября. И вот свершилось. Аэропорт, таможня, пограничный контроль, подъем по трапу, взлет, потом в обратном порядке: приземление, спуск по трапу, пограничный контроль, таможня, аэропорт, автобус.

– Ты можешь представить, что мы в Париже? – взволнованно прошептала Вилька, когда микроавтобус въехал в черту города.

– Если честно, то не очень, – покачала я головой, вглядываясь в такой знакомый силуэт Эйфелевой башни. – Такое впечатление, что я сплю.

– Я тебя сейчас разбуду, – взвизгнула Вилька и принялась меня щекотать. В ответ я тоже завизжала.

– Тише, ведите себя прилично! – раздался окрик нашего «политрука». В поездке нас сопровождал преподаватель философии Сергей Петрович. Уже никто не помнил, за что он получил такое прозвище, но в этой поездке оно ему подходило как нельзя лучше. – Что вы так шумите! – опять раздался его голос.

Бесполезно. Автобус наполнился гамом и смехом. Народ впал в эйфорию, и Сергей Петрович обреченно махнул рукой, отчаявшись восстановить порядок в танковых войсках.

Разместили нас в университетском городке, больше похожем на музей под открытым небом: тридцать семь зданий и каждое неповторимо.

Нам с Вилькой досталась небольшая уютная комнатка. Не успели мы освоиться, как в дверь постучали. Оказалось, что это наши соседки пришли знакомиться. Девушки с любопытством разглядывали нас, а мы их. Звали их Николь и Кло, сокращенно от Клотильды.

– Супер! – поразилась я, когда они ушли, пригласив нас вечером на какую-то вечеринку. – Впервые в жизни не комплекую по поводу своего имени.

Потом была официальная часть. Нам устроили экскурсию по Сорбонне. В качестве достопримечательностей предъявили и могилу Ришелье.

– Подумать только, – пихнула меня в бок Вилька, – сам Ришелье.

– Ага, – кивнула я благоговейно.

А вот экскурсия в музей Дюма не порадовала: французы, оказывается, глубоко убеждены, что сюжет «Трех мушкетеров» тот спер у какого-то малоизвестного писателя.

– Это что ж, получается, – шепнула я Вильке на ухо, – крушение идеалов? Я же «Трех мушкетеров» в свое время до дыр зачитала.

– Увы, – грустно отозвалась подруга.

Ближе к вечеру мы принялись собираться на вечеринку

– Так жить нельзя, – заявила Вилька, скептически разгля-

дывая мой хвост, скрученный бубликом на затылке. – Нет, можно, конечно, но не в городе Париже, – добавила она и достала расческу.

Волосы у меня длинные и от природы пепельно-русые. Я бы давно их отстригла, но в свое время пообещала отцу, что никогда этого не сделаю. Вот и маюсь с тех пор, закручивая всякие разновидности вороньего гнезда на макушке. Вилька долго терзала меня феном, сооружая на бедной моей голове нечто невообразимое.

– Блеск! – подвела она итог своих усилий. – Бог наградил такими шикарными волосами, а ходишь, как черт знает кто.

Я критически осмотрела себя и пожала плечами. Ну красиво, кто бы спорил. Но каждый день себя так истязать – увольте.

Оглядев мои традиционные джинсы и толстовку, Вилька хмыкнула.

– Понятно, что уговаривать тебя надеть мое платье бесполезно? Хоть джемпер вот этот возьми.

– Да, ну! – отмахнулась я. – Я его тебе испачкаю, потом сама же верещать будешь.

Все ж таки она заставила меня влезть в свой синий с белым принтом джемпер. Я окинула себя взглядом. Ну ничего так. Все равно мою блеклую внешность никакими тряпками не улучшить. Вилька понимающе вздохнула и достала косметичку.

– А теперь немного волшебства, – приговаривала она, на-

нося на мою физиономию боевую раскраску. Я мысленно махнула рукой. Все равно меня тут никто не знает, пусть хоть клоунскую маску рисует.

Идти оказалось недалеко. Вечеринка проходила в баре рядом с кампусом. Народа в небольшое помещение набилось – пруд пруди. Тут и там мелькали знакомые лица студентов из нашей группы, и даже Сергей Петрович сидел у стойки, без пиджака и галстука и прихлебывал пиво из кружки. Нам тут же сунули в руки по бокалу красного вина.

– О! Так ведь сегодня «Божоле нуво», – толкнула я Вильку локтем, вспомнив о ежегодном празднике молодого вина.

– О, ля-ля! – сверкнула синим глазом неугомонная подруга и тут же принялась подыскивать достойный внимания объект.

К нам подвалил симпатичный чернявый парень Анри и с жаром принялся что-то вещать о правах животных, мы слушали вполуха, кивали и мыкали в ответ. Потом заиграла музыка, и народ повалил танцевать. Нас с Вилькой разнесло в разные концы бара. Она танцевала с высоким блондином, который не сводил с нее восторженных глаз, я танцевала с Анри, потом с Мишелем, потом еще с кем-то, всех и не упомянешь. Потом музыка смолкла, народ стал сбиваться в кучку, раздался смех и восторженные крики.

– Сейчас будем петь караоке, – сообщила Вилька, вынырнувшая из толпы.

Сперва к микрофону подошел невысокий мужчина лет

тридцати. Бармен заведения, как объяснила Кло.

– Ну и ничего сложного, – Вилька хмыкнула, – я тоже так могу.

– Ты петь-то умеешь? – недоверчиво спросила я.

– А то! Щас как спою, – глаза у подруги подозрительно блеснули. Судя по всему, она сполна отдала дань молодому вину. Я, правда, тоже приложилась к бокалу. Вино мне не понравилось, показалось кисловатым, и по вкусу напоминало бражку.

Вилька пробралась к микрофону, в зале зааплодировали. Я с любопытством ожидала развязки. И тут... Кинув случайный взгляд в сторону, я увидела парня, который только что вошел и усиленно крутил головой, выискивая кого-то в толпе. Взгляды наши встретились, и меня будто током дернуло. Смутившись, я поспешила затеряться в толпе, сделав вид, что увлечена происходящим у микрофона. А там было на что посмотреть. Вилька уже выбрала себе песню и стояла, мерцая синими глазами. Я не знаю, то ли я такой классный педагог, то ли у Вильки врожденная способность к языкам, но пела она с таким великолепным фрикативным «Р» что-то из репертуара Мирей Матье, что публика пищала от восторга. Ей даже вручили бутылку пресловутого «Божоле нуво». Я все это видела и смеялась, и хлопала вместе со всеми, а сама краем глаза следила за парнем, так поразившим мое воображение. Он наконец нашел, кого искал, стоял в компании парней с бокалом вина в руке, но, как я заметила, не сделал

ни глотка.

Был он в черной кожаной куртке, которую вскоре снял, оставшись в одной футболке. Пару раз я ловила на себе его любопытный взгляд, от которого меня кидало в жар, и горели уши. Наваждение прямо какое-то. Опять зазвучала музыка, меня пригласили танцевать. Я оглянулась. Незнакомец стоял в дверях и смотрел, как я пытаюсь исполнить с партнером что-то французско-народное. Сунув сигарету в рот, он чиркнул зажигалкой, тряхнул головой, откидывая со лба темную волнистую прядь, сделал затяжку, улыбнулся, как показалось, именно мне, никому больше, и исчез.

Тут все во мне замерло, сердце ухнуло куда-то вниз и дыхание на секунду остановилось. К счастью, музыка кончилась, и я бросилась к двери сломя голову, выбежала на улицу, едва не сбив стоящие на тротуаре маленькие круглые столики и плетеные стульчики, и чуть было не врезалась в спину парня. Он обернулся и раскинул руки, остановив мой разбег. За его спиной стояла черно-серебристая «Хонда».

– Простите, – пискнула я, делая шаг назад, но было поздно: руки его уже сомкнулись за моей спиной.

– Я ждал тебя, – улыбнулся он.

А вот это уж слишком! Наглый самоуверенный тип! Я вспыхнула и опять попыталась вырваться.

– Убери руки, – прошипела я.

Он послушно развел руки в сторону, я сделала шаг назад и... остановилась.

– Не бойся, – подбодрил меня парень, – я не кусаюсь.

– Ты уже уходишь? – вопрос прозвучал глупо.

– Уезжаю, – кивнул он на мотоцикл.

Я вытянула шею и посмотрела за его спину. Видно, что-то такое отразилось на моем лице, отчего он понимающе улыбнулся.

– Тебе нравятся мотоциклы?

Я кивнула и подошла ближе. Провела рукой по блестящей хромированной поверхности, потрогала черное кожаное сиденье и вздохнула завистливо. За спиной раздался его тихий смех. Повернув голову, совсем близко я увидела его глаза – карие с желтыми искрами, вспыхнувшими от света уличных фонарей. Он наклонился и легонько коснулся губами моих губ. От неожиданности я обомлела и впала в ступор.

– Хочешь покататься по ночному городу? – спросил он, и, не дожидаясь ответа, оседлал железного коня и кивком головы указал мне на место позади себя. Секунду я медлила, а потом... сделала самую глупую вещь за всю свою недолгую жизнь – уселась сзади.

– Держись крепче, – бросил он мне через плечо и надел на голову черный блестящий шлем. «Хонда» коротко рыкнула, как застоявшийся на месте дикий зверь, и рванула в ночь.

Я прижалась к широкой спине, сцепила руки вокруг его талии и зажмурила глаза. Мы неслись по ночному городу. Мимо мелькали улицы, проспекты, памятники. Вот слева вдалеке показалась и исчезла Эйфелева башня, где-то сза-

ди остался Нотр Дам, скрылась за поворотом Сена. От ветра из глаз текли слезы, я прятала голову за его спину и улыбалась во всю ширину рта бессмысленной улыбкой идиотки. Идиотки, которая мчит по чужому городу, в чужой стране, в неизвестном направлении, с незнакомцем, даже не назвавшим своего имени. И никогда больше я не была так счастлива, как в эти минуты бешеной езды на мотоцикле в неизвестность. «Ну и пусть, – думала я, – ну и пусть».

Утро ворвалось в мой сон гудками авто, людским гомоном и жуткой головной болью. Я приоткрыла один глаз и тут же зажмурилась: яркое солнце пробивалось сквозь жалюзи. Натянув одеяло на многострадальную больную головушку, я позвала: «Вилька, воды... принеси». Вернее, это мне показалось, что позвала, а на самом деле – так, булькнуло что-то в горле. Тишина. Кто-то вошел в комнату, я высунулась и тут же сунулась обратно – голый мужчина энергично растирал полотенцем мокрую спину. «О-о!» – воскликнула я про себя.

Память возвращалась фрагментами. Вот я мчусь на мотоцикле, прижимаясь к кожаной спине, вот мы гуляем по ярко освещенному бульвару, а я смотрю на него глазами влюбленной кошки, потом пьем вино где-то в кафе, вернее, я пью шампанское, а он курит, смотрит на меня и улыбается. Потом поднимаемся по гулкой чугунной лестнице – кажется, ей не будет конца – вот он подхватывает меня на руки... А

потом... не помню, что потом, ничегошеньки... Ужасно! допи- лась, допрыгалась, докатилась...

Тем временем мужчина подошел к постели, прервав тем самым борьбу с амнезией, и стянул одеяло с моей головы.

– Привет, – я попыталась улыбнуться и сесть, но неудачно. Господи, ну и вид у меня, наверное – тушь размазалась, во- лысы всклокочены – да уж... И одежда... а где одежда? Ско- сив глаза, я разглядела на себе белую мужскую футболку. Хоть не голышом, уже легче. – Доброе утро, – прошептала я почему-то по-русски.

Я опять попыталась приподняться, но тут он прижал меня к подушке и стал всматриваться в мое лицо. Кровать подо мной качалась, рождая в душе странные ассоциации.

– Сколько тебе лет?

Вопрос кинул в жар – без косметики и тряпок я и правда выглядела несерьезно.

– Мне уже есть восемнадцать.

– Ну, слава богу, а то уж я испугался...

– Пить хочется.

– Конечно, сейчас.

Я посмотрела ему вслед, под гладкой загорелой кожей ре- льефно перекатывались бицепсы, трицепсы и прочие мыш- цы. Офигеть! Он вернулся со стаканом, в котором пузыри- лась прозрачная жидкость.

– Аспирин, – пояснил он.

– Спасибо, – я выпила, откинулась на подушку и закрыла

глаза. Как ни странно, в голове прояснилось, и кровать перестала качаться.

Осторожно встав, я прислушалась – на кухне гремела посуда. Ага, следующий этап – кофе в постель. Где же тут ванная? Как будто услышав мои мысли, он крикнул: «Налево, первая дверь». Я прошмыгнула в указанном направлении и, первым делом, бросилась к зеркалу. Удивительно, лицо было хоть и бледным, но абсолютно чистым. Открыла кран. Звук льющейся воды вызвал новое воспоминание: вчера я принимала душ. На стенке висел махровый халат. Недолго думая, я напялила его и почувствовала себя гораздо увереннее.

По кухне разливался кофейный аромат, ночной незнакомец сидел за столом и мастерил огромный бутерброд. Так, понятно – кофе в постель не будет. Увидев меня, он махнул бутербродом:

– Садись завтракать, кофе готов, – и продолжил мазать булочку какой-то гадостью, не обращая на меня никакого внимания.

На его широкой груди блестел золотой неправильной круглой формы медальон, невольно привлекая внимание к обнаженному торсу. Ой, нет, смотреть ниже не стоит. Лучше уж на лицо. Но и тут увиденное не порадовало. Потому что... да, он был просто неприлично красив, этот ночной незнакомец. Мокрые волосы, откинутые назад, черные и чуть волнистые, открывали большой гладкий лоб. Рельефные губы, тонкий нос с горбинкой... Он поднял глаза. Вчера они пока-

зались мне карими. Нет, они были скорее желто-зеленые, какие-то хищные глаза, которые наверняка подошли бы какому-нибудь жутко плотоядному зверю в саванне. Очень опасные глаза, с тоской подумала я. Сейчас они смеялись, в них искрились желтые веселые точки.

– Осмотр закончен? – спросил он и протянул мне бутерброд.

Я вздохнула и сокрушенно покачала головой:

– Удивительно, но я даже не помню, как тебя зовут.

– Ничего удивительного. Это не страшно. Меня зовут Эрик.

Я кивнула и вдруг похолодела – чего еще из того, что было ночью, я не помню? Выпила чашку кофе, съела этот огромный сэндвич и почувствовала себя почти человеком. Почти, потому что запоздалое раскаяние уже завладело моей душой. Мне было мучительно стыдно: переспать с первым встречным французом да, мало того, еще и не помнить об этом. Так, бежать без оглядки и забыть все как страшный сон. Хотя, сказать честно, уходить мне никуда не хотелось.

Это лицо, глаза, фигура и прочее... Черт возьми, да это же просто проекция моих детских грез! Когда-то, начитавшись пиратских романов, я начала мечтать о таком вот корсаре, грозе морей и океанов. Для полного сходства ему не хватало лишь черного платка на голову. Эрик протянул руку и налил мне еще одну чашку кофе. Потом достал сигареты и протянул пачку. Я отрицательно мотнула головой.

– Вчера ты курила.

– Я... редко курю, только когда выпью.

– Что еще ты делаешь редко, только когда выпьешь?

– Что ты имеешь в виду? – я вскинула подбородок и посмотрела на него с вызовом, готовая вспыхнуть от возмущения.

– Не обижайся, я пошутил.

Я поднялась из-за стола:

– Мне надо идти.

Войдя в комнату, я остановилась в нерешительности. Где же одежда? Может, память все же вернется? Эрик подошел сзади и положил руки мне на плечи, шепнув в ухо: «Твоя одежда в шкафу». И действительно, все висело там, аккуратно так, на плечиках. Схватив джинсы и джемпер, я поплелась в ванну, закрыла дверь на защелку и прислонилась лбом к холодному кафелю. Что же такое со мной вчера случилось, отчего я, не раздумывая, бросилась в такую авантюру? Надо сказать, опыта общения с мужским полом у меня почти не было. А вдруг я вчера сделала какую-то ляпу? Идиотка!

Когда я вышла из ванной, Эрик уже облачился в джинсы и белую футболку, которая все равно не могла скрыть великолепную мускулатуру, и я лишь вздохнула, нерешительно потоптавшись в дверном проеме.

– Подскажешь, как добраться до кампуса?

– Подожди, – он взял меня за руку, усадил на кровать и спросил, глядя в глаза, – Послушай, может быть, я что-то

сделал не то? Я вижу, ты сердишься на что-то. Мне не хочется отпускать тебя так...

Я помолчала, собираясь с духом, вздохнула и, глядя прямо в его чудные глаза, выдавила:

– Я не сержусь. Просто мне очень стыдно. Я ничего не помню. Я не помню, что мы делали ночью. Если ты думаешь, что для меня привычно спать с незнакомым мужчиной, то ты ошибаешься. Я много выпила, обычно я не пью так много. Я, вообще, не пью...

Тут Эрик взял меня за руки и тихо засмеялся:

– Господи, я об этом не подумал. Ничего у нас не было. Сначала ты залезла в душ, потом потребовала пижаму. Пижамы у меня нет – я дал тебе футболку. Пока я вешал твою одежду в шкаф, ты уже спала, прямо поперек кровати. Я уложил тебя и тоже уснул. Тут. – Он показал рукой на широкое мягкое кресло.

Пару мгновений я смотрела на него, а потом засмеялась. И он тоже засмеялся. Мы смотрели друг на друга и смеялись. Эрик сел рядом, обнял меня за плечи и как-то дружески потрепал по голове, потом чмокнул в висок и спросил:

– Ты видела когда-нибудь Парижские крыши? Пойдем, я покажу.

Через узенькую дверцу мы вышли на крышу. Там было что-то вроде терраски. Вид сверху был просто потрясающий.

– Это, кажется, называется мансардой? Такая квартира?

– Да, это знаменитые Парижские мансарды – пристанище

поэтов и художников Монмартра.

– Ой, так это Монмартр!

Конечно, мне было трудно его узнать. На карте все выглядело по-другому. А в самолете я хвасталась Вильке, что пройду по Парижу с закрытыми глазами. «Топографический кретинизм», – определила та мои плутания в трех соснах.

– А ты художник или поэт?

– Я историк. – Он повел выпуклым плечом. – А ты кто, прелестная школьница?

Я зарделась: в его устах французское «ла бель экольер», звучало как-то невероятно эротично.

– Я студентка. Приехала с группой, по обмену. Вы к нам, мы к вам.

– Надолго?

– На две недели – обреченно вздохнула я.

Он обнял меня и сказал:

– Две недели – это иногда очень много.

«И очень мало», – подумала я.

– Ну, как все прошло? – спросила меня Вилька, когда я все-таки вошла в наше временное жилище.

Странно, я думала, она будет ругаться и обзывать меня безответственной дурой. И даже немного обиделась за такое безразличие к моей персоне. Сотовый у меня к вечеру совсем сдох, но, когда я его включила, пропущенных звонков

не было, то есть, меня даже никто и не искал.

– А чего такого? – удивилась она. – Тебе, чай, не пятнадцать, вполне взрослая самостоятельная девочка. И потом – твой Бельмондо произвел на меня вполне благоприятное впечатление.

Вот Вилька, вот кадр! Срисовала парня влет!

– Да ты что! Как только пришел. Я видела, как он на тебя пялится. Мужик-то хоть стоящий? – Я пожала плечами. – Стоящий, стоящий – я же вижу, как ты вся светишься.

– Ну а ты как? Я-то, в отличие от некоторых, переживала, что оставила тебя одну.

– Во-первых, не одну, а в целой компании мужиков.

– Вот-вот, и я о том же.

– Да все было отлично. Чем больше мужиков, тем лучше. Они же бедные, пока между собой разберутся – до меня дело и не дойдет. А потом – это ж Франция – мон плезир, силь ву пле и прочие политесы.

Тут раздался телефонный звонок.

– Девочки, вы, почему на завтраке не были?

– Это политрук, – шепнула Вилька, – Мы проспали, Сергей Петрович.

– Спускайтесь – автобус уже пришел.

– Какой автобус? Ах, ну да, конечно. Это мы еще не проснулись. – Вилька положила трубку. – Слушай, нам же в Лувр сейчас, у нас же программа. Вот черт!

Мы кинулись лихорадочно собираться. Наспех одевшись

и приведя себя в более-менее приличный вид, мы спустились в холл. Все наши уже сидели в автобусе, а политрук нервно курил возле дверей.

– Где вас носит? Ну никакой дисциплины!

Мы заскочили внутрь, и автобус двинулся.

– Слушай, а почему он сказал «не завтракали» во множественном числе? Ты тоже не была на завтраке?

– Да что ты! – засмеялась Вилька, – Я завтракала совсем в другом месте. Ты о встрече-то хоть договорилась?

– Да нет, я как-то не подумала. Вообще-то, он сказал, что позвонит.

Вскоре нас высадили у Лувра и три часа мы наслаждались искусством. На обратном пути Вилька подседа к политруку.

– Сергей Петрович, можно мы выйдем где-нибудь в центре? Так хочется по магазинам пройтись, ну, пожалста...

– заканючила она. Политрук нахмурился – перспектива шляться с нами по магазинам, видимо, его не прельщала. – Да не волнуйтесь вы, Сергей Петрович, мы же взрослые, языками владеем, что с нами будет?

Политрук пошлепал губами и кивнул, и еще погрозил пальцем непонятно кому.

– Отлично, – шепнула Вилька, – сейчас оторвемся.

Мы бродили по улицам, глаза по сторонам, то и дело замирая от восторга, натываясь на очередную церковь или часовню. Остальные студенты из нашей группы давно уже отстали, рассосались по магазинам и сувенирным лавочкам,

осели в уютных маленьких кафешечках.

– Давай, посидим где-нибудь на природе, пивка тяпнем, – предложила Вилька. – Живем-то один раз. Ну, подумаешь, сувениров поменьше домой привезем, зато кайф-то какой!

Мы устроились за столиком одного из многочисленных уличных кафе. Солнышко нежно, совсем не по-осеннему, грело щеку. В который раз чувство нереальности происходящего охватило меня – кажется, вот сейчас я проснусь и...

– Твой Эрик, он кто? – спросила Вилька.

– В каком смысле, кто?

– Ну, кто он? Где работает? Чем занимается?

– А, он историк. А где работает, не знаю.

– Вот ты даешь! Чем вы там занимались?

Я хихикнула:

– Ночью – я спала, а утром... утром нам было не до разговоров.

– Понятно! – Вилька покачала головой. – Удовольствие-то хоть получила?

– Не знаю насчет удовольствия, а вот душевную травму на всю оставшуюся жизнь, это – да. Понимаешь, я встретила мужчину своей мечты, и что теперь с этим делать – не представляю.

– Да ты никак втюрилась? – ахнула Вилька, – Это плохо.

– Чего ж хорошего?

Мы помолчали.

– Ну ничего, – утешила Вилька, – может, и обойдется –

отыщешь в нем пару недостатков – и как рукой снимет.

– Ага, «если вы на женщин слишком падки – в прелестях ищите недостатки».

– А что правильная песенка.

– Конечно, ты же у нас спец по песням. Кстати, а где «Божоле Нуво»?

– Где? В холодильнике. И ничего особенного – бражка какая-то. Я вот вчера «Шардоне» пила... вот это вещь, я скажу.

– У-у, – протянула я уважительно, – раскрутила мужика все-таки. Как его зовут, Поль, говоришь?

– А ты сомневалась в моих способностях?

– Что ты! Ни в коей мере. Ты-то уж наверняка все о нем узнала.

– Еще бы – надо же было чем-то мужика занимать целую ночь. А по лапше – я спец.

Я сидела на подоконнике и смотрела вниз, на улицу. Неужели это все со мной? Неужели только сегодня утром я целовалась с самым лучшим мужчиной в мире? Телефон загудел.

– Бон суар, ма птит экольер, – раздался его тихий голос, – я заеду за тобой в восемь вечера, жди меня у входа.

Я положила трубку с бессмысленной улыбкой на лице. Вилька только рукой махнула.

В восемь часов ноль-ноль минут я выскочила за ограду

кампуса и ступила на тротуар. И почти тут же к обочине подкатила «Хонда». Ни слова не говоря, он протянул мне шлем и кивнул назад. Я села, уцепилась за него, как давеча, и мотоцикл рванул в ночь. Минут через пятнадцать мы остановились возле набережной, спустились по лесенке, и долго-долго целовались на виду у проплывающих мимо прогулочных корабликов. Эти странные двухъярусные набережные были словно предназначены для влюбленных.

– Вообще-то, для лодок, на которых привозили стройматериалы и прочие необходимые городу вещи, – улыбнулся Эрик.

Я кивнула и засунула руки ему под расстегнутую куртку. Днем ярко светило солнце, воздух прогревался настолько, что можно было ходить в одной джинсовой курточке, а вот к вечеру значительно холодало. Эрик повернулся так, чтобы загородить меня от резкого ветра, налетевшего вдруг с Сены. Мы еще немного поцеловались. Я бы осталась здесь жить, прямо на этой вот набережной, вон как эти вот бродяги, которые раскинули свой импровизированный лагерь под ближайшим мостом. Там виднелись небольшие туристские палатки. Даже бомжи в этом городе жили со своим клошарским парижским шиком. Мимо проплыл очередной кораблик, там играла музыка. Я проводила его взглядом.

– Пойдем, – предложил Эрик. – Ты замерзла. У тебя нос холодный.

Мы поднялись вверх. Слева высилась черная громада

Консьержери, а справа сияли неонам бульвары и авеню. Я застыла, опять, в который раз, поймав себя на мысли о нереальности происходящего. Что-то было такое в этом городе, что медленно, но неотвратимо проникало в душу, отравляя ее сладким ядом. Ты знаешь, что это убьет тебя рано или поздно, но слишком велик соблазн, и ты пьешь этот яд и с восторгом ждешь смерти.

– Очень красиво, – выдохнула я, прижимаясь к его плечу, – очень!

– Я люблю этот город, – сказал Эрик. – С тех самых пор, как увидел. Мне было десять лет, когда я приехал сюда впервые.

– Где ты родился? – спросила я.

Он засмеялся.

– На раскопках в Библосе.

– Где? – изумилась я. Библос, что-то знакомое, только не помню что.

– Ливан, – счел нужным пояснить Эрик. – Мой отец археолог. Он родился в Ливане, его отец, мой дед, директор отдела древностей Ливанского национального музея в Бейруте. Мама отсюда, из Франции. Ее отец тоже был археологом. Французское правительство тогда получило разрешение от ливанских властей начать раскопки в Библосе, и вот там-то они и встретились. Моя мать и мой отец. Они поженились, потом родился я, и мы жили в Ливане пока... пока там снова не началась война.

Я промолчала. Я ничего до сих пор не знала про Ливан, даже плохо представляла где это.

– Там, там красиво?

– Да, – кивнул Эрик. – Красиво. Она очень маленькая эта страна. Древняя Финикия. Города-государства. Тир, Сидон. Слышала, что-нибудь об этом?

– О, да, – обрадовалась я. – Нам в школе рассказывали.

– Пойдем, моя маленькая школьница, а то ты замерзнешь совсем.

И мы пошли, вернее, поехали и остановились недалеко от здания Опера-Гарньер. Там, на углу, смуглый парнишка лопаткой мешал каштаны в большой жаровне. Эрик купил нам по кулечку. По вкусу они чем-то напоминали печеный картофель. Здание Оперы возвышалось над нами всеми своими колоннами, скульптурами, резными портиками. На широких ступенях сидели люди, слышался смех, играла музыка. Я засмеялась. Я поняла теперь, что имел в виду старик Хэм, писавший про «праздник, который всегда...» Ключевым словом здесь было именно это «всегда». Всегда. В любую погоду. В любое время. Всегда. Только не для меня. Для меня есть только здесь и сейчас. Вот именно здесь и именно сейчас. А потом уже не будет. Никогда. Страшное тягучее слово «ни-ког-да». Даже думать об этом было страшно, что никогда, никогда, это больше не повторится. Даже если когда-нибудь приеду в Париж, приду сюда, на эту площадь, куплю жареных каштанов, то это уже будет не та площадь и

не те каштаны, и не будет рядом его, того, кто сейчас стоял рядом, в чьем кармане грелась моя ладонь, чья рука крепко обнимала меня сейчас за плечи. О, боже! Что я наделала! Я отбросила недоеденные каштаны и, повернувшись, уткнулась лицом Эрику в грудь.

– Поедем к тебе, – попросила я. – У нас так мало времени.

Две недели закончились очень быстро, просто мгновенно. Все дни я проводила с Эриком, игнорируя положенные нашей группе экскурсии и развлечения. То, что рассказывал мне о Париже Эрик, не рассказал бы ни один дипломированный гид. Я шла за ним по узким кривым улочкам Монмартра, по широким бульварам Монпарнаса, по изящным гравийным дорожкам Люксембургского сада, крепко держа его за руку, помня, что это только здесь и сейчас. И что скоро ничего этого больше не будет.

И вот этот день наступил. Весь день мы гуляли по городу, потом пообедали в уютном ресторанчике и не спеша направились к дому, где наверху, под самой крышей, прошли мои безумные Парижские ночи. Я посмотрела вверх, на лестницу, уходящую в небо. Вот если бы случилось чудо, и лестница никогда бы не кончалась, вот так бы всю жизнь подниматься и подниматься, держась за его руку. Но все кончается, и лестница тоже кончилась, и я вошла в его квартиру в последний раз. Я смотрела и старалась запомнить каждую де-

таль. Вот кровать под шелковым покрывалом, кресло с плетеной спинкой, телевизор, старинное зеркало в тяжелой раме. Странно, я никогда раньше не замечала, какой темный бронзовый цвет имеет блестящая поверхность стекла.

– Оно очень старое, – сказал Эрик из-за спины – это венецианское стекло. Женщина, смотрящаяся в него, всегда прекрасна.

Его руки легли мне на плечи, он склонил голову, прошелся губами по шее.

– Ты прекрасна, – шепнул он, поднимая глаза и глядя на мое отражение в зеркале.

Я повернулась и обняла его крепко-крепко:

– Это не я, это зеркало. Оно отражает то, чего нет.

Утром, стоя под душем, я пыталась запомнить каждую кафельную плитку, каждую трещинку, даже звук, с которым тонкие струйки хлестали по моему лицу.

– Сегодня я сварю тебе кофе, – решительно заявила я, появляясь на кухне. Ни слова не говоря, Эрик вылил дымящуюся гущу, только что сваренного кофе, в раковину и протянул мне турку. Он курил и улыбался, а я пыталась вспомнить, как же его варят этот кофе. Но в конце концов это у меня получилось, и я гордо продемонстрировала ему результат моего труда.

– Неплохо для первого раза, – одобрил Эрик.

– Почему первого? – подивилась я его догадливости.

– Целых две недели по утрам я варю кофе, но ты ни разу не предложила сделать это сама. Вывод: либо ты привыкла, что кофе варит мужчина, что маловероятно, либо ты его не умеешь варить вообще.

– Чего это маловероятно? – возмутилась я.

– Для того чтобы мужчина варил тебе кофе, он должен как минимум у тебя быть. Мужчина, естественно, а не кофе. А его у тебя нет, во всяком случае, такого, кто оставался бы у тебя ночевать.

– С чего ты решил? – нахмурилась я.

– Извини, но опыта у тебя нет, – он хмыкнул.

– И ты только сейчас об этом говоришь? – от смущения кровь прилила к моим щекам.

– Я разве сказал, что мне это не нравится? – улыбнулся он, привлекая меня к себе.

Когда уже одетая, я вышла на крышу и последний раз окинула взглядом дивный город, мне показалось, что можно, можно вернуться, сюда, на эту крышу, к этому мужчине и все будет как раньше. Всегда. Подошел Эрик, встал рядом и, показывая рукой в сторону Эйфелевой башни, сказал:

– С нее тоже видна эта крыша, я покажу тебе... потом. – Я молча кивнула. Эрик тоже помолчал, потом обнял меня и сказал: – Я хочу, чтобы мы были вместе. Всегда. Ты веришь мне? – Я опять кивнула, старательно отводя глаза. – Ты должна мне верить, – строго сказал он, крепко прижимая к себе. – Возьми это, – он снял свой медальон и надел мне

на шею.

Такси остановилось возле кампуса. Эрик чмокнул меня в переносицу. Я улыбнулась и выскочила из машины. Еще дома мы договорились, что не будем обниматься в такси и оглядываться. Мы уже простились, сказали друг другу все, что хотели и могли. За спиной взревел мотор. Все-таки я не выдержала и обернулась – улица была пуста.

В холле меня встретила веселая компания: политрук и бледная растрепанная Вилька.

– Ну вот, я же говорю, – громким голосом заверещала Вилька, – Все на месте, никто не потерялся.

Политрук стоял мрачнее тучи. Вилька из-за его спины показывала мне кулак и хватала себя за горло, делая страшные глаза.

– А в чем дело, собственно говоря? До автобуса еще есть время, могу я погулять по Парижу в последний раз? Не тридцать седьмой год, правда ведь, Сергей Петрович? Или как?

Секунду он смотрел на меня, испепеляя взглядом, а потом махнул рукой:

– Черт с вами! Быстро по номерам, собирайтесь. Автобус через пятнадцать минут, а вы тут..., – и пошел прочь, почти побежал, бормоча на ходу: – Тридцать седьмой... да я и без тридцать седьмого тебе... ремнем по заднице... детский сад...

– Ну, ты молоток, – заявила Вилька, – «не тридцать седьмой» – обхохочешься. Вообще-то, он дядька вредный, смотри... А я-то страху натерпелась. Я ведь думала ты не придешь – останешься.

Я опустила на кровать.

– Знаешь, если бы он сказал «останься», ни минуты бы не задумалась. Но он не сказал.

Вилька подозрительно на меня покосилась, видимо, ожидая, что я заплачу. Но слез не было, только какое-то тихое, безразличное отупение. Вилька уже собрала вещи и свои, и мои. По дороге в аэропорт я даже в окно смотреть не могла, так мне было больно. В одном месте произошла какая-то заминка. Вилька выглянула в противоположное окно и вскрикнула, лицо ее побледнело. «Там авария», – прошептала она. Я посмотрела на нее равнодушно и отвернулась.

Самолет взмыл в воздух, набрал нужную высоту. Стюардессы покатали столики с напитками. Я открыла, было, рот, но не успела произнести ни слова, как Вилькин голос произнес: «Водки, будьте добры». Мы посмотрели друг на друга, чокнулись пластиковыми стаканчиками и дружно сказали: «За тебя». Потом я откинулась на спинку, сплела руки на груди и провалилась в сон.

Самолет приземлился, мы вывалились с трапа.

– Здравствуй, слякоть, – воскликнула Вилька, кутаясь в

свой эфемерный плащик.

Я тоже зябко поежилась в своей осенней курточке. Холодно, бр-р-р! Хорошо хоть почти всех встречали родственники и меня в том числе. За Вилькой приехал отец, а за мной Жора, вместе с мамой естественно. Вилька с любопытством оглядела нашу веселую компанию.

– Хватит уже на него волком смотреть, – упрекнула она шепотом. – Простить не можешь? Любовь зла, сама должна понимать...

Я нахмурилась и ничего не сказала, помахала ей на прощание рукой, села в машину, и мы поехали. Мама всю дорогу весело щебетала, расспрашивая о Париже, я старалась отвечать впопад, а сама думала: «И ничего я волком не смотрю. Это так кажется». Хотя, конечно, мне долго пришлось привыкать к маминому мужу. Правда, я старалась делать вид, что все в порядке, но он, вероятно, чувствовал, что я не пылаю к нему любовью, поэтому особо ко мне не лез с любезностями. Так мы и жили, стараясь сохранять паритет.

Дома меня первым делом накормили, я разомлела и начала доставать подарки. Маме очень понравилась помада шикарного цикламенового цвета. Мама у меня красавица – пепельная блондинка с потрясающей фигурой и голубыми глазами. Я подозреваю, что папа влюбился в нее из-за сходства с той самой певичкой из Гданьского бара. Жора, напротив, был не так уж красив, зато являлся полной противополож-

ностью отцу: никакого романтизма, мастер на все руки и к тому же обладал веселым покладистым характером. Ему я привезла галстук яркой попугайской расцветки.

– Это сейчас так модно? – спросил Жора, примеряя подарок. – Завтра на работу надену.

И ведь, правда, наденет, поняла я, даже если галстук ему не очень и понравился. Я вздохнула, про себя, конечно. Жора занимался бизнесом – торговал турецким текстилем. Часто мотался в Турцию, и обязательно привозил мне что-нибудь в подарок. Нет, надо как-то наладить отношения, решила я, хватит уже в детские обиды играть.

Я встала из-за стола и, сославшись на усталость, ушла к себе. Подошла к зеркалу, достала из-за ворота джемпера медальон и тихонько погладила тускло-желтую поверхность. Монету, из которой был сделан медальон, Эрику подарил дед, директор музея. Древние финикийцы были отважные ребята, строили отличные корабли и изобрели алфавит. На монете был изображен корабль с тремя воинами, под ним извивался дракон с мордой льва и крыльями. Страшно даже подумать, сколько лет этому кусочку металла.

Я легла спать в обнимку с телефоном, ожидая звонка. Но напрасно. Эрик так и не позвонил. Я набрала заветный номер и долго слушала длинные гудки в эфире. Каждый вечер, а иногда и днем, я набирала выученный наизусть набор цифр. Все мои письма вернулись обратно, щедро украшенные всевозможными штампами. «Адресат выбыл». Я ничего

не понимала. Металась, мучилась. Но потом, как-то успокоилась и стала жить дальше, как раньше. Вернее, делать вид, что все как раньше. На самом-то деле я понимала – ничего уже никогда со мной не будет так, как было когда-то. Но выхода не было или я просто не видела его. Вилька видела мои мучения и как могла старалась отвлечь от грустных мыслей.

Глава 2 Волшебная сила искусства

Вилька оказалась права на все сто процентов по поводу злопамятности политрука. Не прошло и месяца, как у меня накопилась куча хвостов с его семинаров. Ибо на каждом он меня вызвал, долго мучил непонятными словами и в конце обязательно ставил жирный неуд в свой реестрик. Сессия угрожающе приближалась, а надежды сдать зачет по философии, и тем самым получить допуск к экзаменам как не было, так и не предвиделось. Я уже мысленно распрощалась с институтом, во всяком случае, с бюджетным обучением, как вдруг в один прекрасный день Сергей Петрович, встретив меня возле дверей аудитории, попросил задержаться после лекции.

Ожидая самого худшего, я просидела все полтора часа как на иголках.

– Ну что, Миронова, как сессию сдавать будем? – спросил политрук ласково и даже с сочувствием.

Я пожалала плечами, меня этот вопрос интересовал чрезвычайно, но ответа, в отличие от Сергея Петровича, у меня не было.

– Дело-то не в том, что ты чего-то не понимаешь, а в том, что ты просто не хочешь ничего учить. Я даже обижен. Неужели я настолько неинтересно преподаю, что не смог вызвать хотя бы элементарного интереса?

Тут мои брови, видимо, так скакнули вверх, что Сергей Петрович невольно отрефлексовал: его брови тоже встали домиком над серыми задумчивыми глазами. «Черт, – пронеслось в моей голове, – это что намек? Неужели будет намекать на переспать за зачет? Зачетно переспать, так сказать?»

– Я понимаю, что кое-кому кажется, что одного знания иностранного языка будет достаточно для успешной карьеры...

Тут я и вовсе изобразила лицом некую тарантеллу и покаянно прижала руки к груди. «Нет, нет, я вовсе так не думаю, что вы, что вы!»

– Кстати, о языках. – Сергей Петрович, покопался в недрах своего кожаного портфеля и вытащил на свет продолговатый розовый конверт, щедро украшенный синими штемпелями и даже с остатками слабого запаха парфюма. – Тут вот письмо пришло, а я только английский, так сказать...

– Да не вопрос, – чуть не подпрыгнула я от восторга и буквально вырвала конверт из его пальцев.

Писала Сергею Петровичу дама и в весьма игривом стиле. Пару раз мои уши начинали пылать, но в любом случае я все перевела слово в слово и, закончив, преданно и невинно посмотрела в глаза Сергею Петровичу. Тот задумчиво вытащил бумагу из моих рук, аккуратно свернул по линиям сгиба, всунул в конверт, конверт убрал в портфель, щелкнул замками, взъерошил волосы надо лбом и как-то молодцевато глянул по сторонам.

– Хорошо, Миронова, – кивнул он мне на прощание. – Надеюсь, вы готовы к завтрашнему семинару? Мне бы хотелось услышать от вас что-нибудь внятное по поводу... ну, к примеру, метода эмпирической индукции Бэкона и критики этого метода Юмом. Да. – И он вышел, одарив на прощание стальной улыбкой.

Я тяжело вздохнула, но все же, не надеясь ни на что, вызубрила к завтрашнему дню нужную тему, что-то промямлила на семинаре, получила «хорошо» и несколько ошарашено села на место. К слову сказать, за это мне вскоре пришлось перевести на французский ответное письмо Сергея Петровича к даме. Ни разу при этом политрук не намекнул на возможные карательные меры для особо болтливых студенток – то ли так был уверен в моей порядочности, то ли просто знал, что-то такое обо мне, чего я и сама не знала. И действительно, я никому не проболталась, кроме... Екатерины Альбертовны, Вилькиной бабушки.

Странно, я человек замкнутый, а вот с этой изящной пожилой леди с королевской осанкой чувствовала себя на короткой ноге.

Жила она в трехкомнатной квартире одного из старинных особняков Васильевского острова. У Вильки тут была своя комната, в то время как родители обитали в северной части города и днями пропадали на своих ответственных работах. Екатерина Альбертовна варила самый вкусный в мире кофе,

который пили из крохотных маленьких чашечек костяного китайского фарфора. На столе всегда стояло большое блюдо с пирожками и вазочка с вареньем. А сверху свисал зеленый бахромчатый абажур, создавая ощущение вневременного пространства.

Родилась Екатерина Альбертовна в семье профессора-математика, в будущем академика. В семнадцать лет она отчаянно влюбилась в сорокадвухлетнего генерала, героя отечественной войны, увешанного орденами и медалями. Или он в нее, во всяком случае, они поженились и прожили вместе двадцать лет до самой генеральской смерти.

Так как квартира моя была довольно далеко от центра города, то частенько после занятий отправлялась я ночевать не домой, а к Вильке на Ваську. Ну да, если посчитать годы нашего обучения, то дома я бывала гораздо реже, чем у подружки. Вот и в этот раз мы неспешно шли вдоль канала Грибоедова в сторону Гороховой. Вилька что-то все рассказывала, про какой-то новомодный спектакль, на который нам непременно надо сходить. А я все думала о письме, о Сергее Петровиче и об Эрике.

Екатерина Альбертовна сидела в углу комнаты за маленьким столиком, что-то быстро-быстро делала руками, и в ответ на мое приветствие кивнула.

– Плетешь, Марья Искусница? – чмокнула ее Вилька

Тонкое кружево было изящным и воздушным. Я заворо-

жено смотрела на руки, порхающие над станком. Это сколько же надо учиться, чтобы вот так из простых ниток создавать невесомую сказочную красоту. Вилька уверяла, что кружево работы самой Екатерины Клемят ценится в известных кругах достаточно высоко.

Как-то, еще в начале нашего знакомства, я имела неосторожность пожаловаться ей на свою некрасивость. Ну, не то чтобы пожаловаться, а так упомянуть в разговоре. На что Екатерина Альбертовна изящно выгнула брови и с усмешкой заметила:

– Вы просто не хотите быть красавицей. Поверьте, каждая женщина знает, как стать красивой. Если захочет. На Вилечку посмотрите, вот живой пример.

Я посмотрела на Вилечку – та стояла, скромно потупив глазки. Потом вздохнула и сказала:

– Ладно, чего уж для лучшей подруги не сделаешь – открою я тебе свою страшную тайну.

Она полезла куда-то на шкаф и достала большой альбом с фотографиями.

– Смотри. Это я в выпускном классе. – На одной странице альбома была обычная коллективная фотография, почти такая же хранилась у меня в школьном альбоме: в четыре ряда затылок к затылку или нос к носу, человек тридцать школьников с училкой посередине. Вот только Вильки нигде не было видно. Вилька интригующе улыбнулась:

– Не можешь найти?

– Ты что болела в этот день? – отчаявшись обнаружить знакомое черное каре, резюмировала я.

– Точно – болела. Сейчас покажу, – и она перевернула страницу. На большом портрете красовалась пухленькая рыжая веснушчатая девчонка с раскосыми глазами-щелочками. Волосики у девчоночки были блекло-рыжими, а конопушки щедро покрывали лоб и щеки. Я потрясенно молчала, не смея озвучить очевидную вещь.

– Ты, что ли? – нерешительно предположила я.

– Угу, – вздохнула Вилька.

Я покосилась на нее, потом посмотрела на портрет, потом опять на Вильку.

– Рыжая я, рыжая, – засмеялась Вилька, – от природы. И конопатая. Всю жизнь пухленькой была, что поросеночек. А похудеть мечтала лет с пяти – с таким-то личиком, да еще и колобок на ножках. Ужас! Только без толку. Зато как экзамены начались выпускные – так с меня все жиры и схлынули. От нервов, наверное. Бабуля даже испугалась. Но ничего – зато щеки как ввалились, так и глазки сразу открылись. Я и побежала в парикмахерскую. Сделала стрижку, окраску, брови, ресницы накрасила, прихожу, а бабуля уставилась на меня и не признает. Минут пять поверить не могла, что это я. Только по веснушкам и узнала. А потом руками всплеснула и побежала в ванну. Я думала за валидолом, а она приносит баночку с кремом от веснушек. Благословила, так сказать, на новую жизнь. Правда, бабуля?

– Правда, все так и было. Веснушки – это наше семейное достояние. Все женщины в роду рыжие и конопатые. Очень сильный доминантный признак.

– Бабуля в молодости генетикой увлекалась, вернее, одним генетиком, – шепнула мне Вилька на ухо, – поэтому очень сильно верит в наследственность. Думает, что рано или поздно кровь свое возьмет, и я тоже что-нибудь сплету этакое, но мне что-то не верится. У меня руки – крюки, ничего ими делать не умею.

Екатерина Альбертовна покачала головой, достала из шкафа книгу и протянула ее нам.

– Вот, девочки, здесь есть все, что надо знать женщине об истоках молодости и красоты. Матильда, я настоятельно рекомендую тебе прочитать этот древнекитайский трактат.

– Бери-бери, – шепнула Вилька, – вера бабули в китайскую медицину незыблема, как Великая Китайская стена. Она ж на Дальнем Востоке долго жила, всяких премудростей нахваталась – страсть.

– А туда-то ее как занесло? – так же тихо шепнула я.

– Так дед-то на Дальнем Востоке служил, на советско-китайской границе.

Вилька давно горела идеей фикс сделать из меня красотку. И если до Парижа я как-то отбрыкивалась, то после, пребывая в некоем слегка измененном состоянии, поддавалась на

уговоры хотя бы в солярий сходить, не подумав, что коготок увяз – всей птичке пропасть. Я еще слабо сопротивлялась, уверяя, что загар ко мне не липнет, но бесполезно – нещадно обмазанная каким-то кремом, я оказалась запихнутой под крышку аппарата.

– Как в гробу, прости господи, – прошептала я и покори-лась судьбе.

Через какое-то время, когда я уже отчаялась выбрать-ся, крышка откинулась, и Вилькин голос произнес: «Хватит дрыхнуть». Кожу саднило и стягивало. В зеркале отразилась розовое, как у рождественского поросеночка, личико.

– Ну и куда я теперь такая пойду? – уныло задала я во-прос, но Вилька даже не соизволила ответить, а вместо этого стала снова мазать уже другим кремом. Правда лицо щипать перестало, зато нос, лоб и щеки залоснились. – И что мне теперь, как тульский самовар по улице идти? – вопрос опять, конечно, остался без ответа.

Вилька достала пудреницу и провела пуховкой по моей блестящей физиономии, потом обмахнулась сама и сказав:

– Теперь порядок, – поволокла на улицу.

– Подожди, – взмолилась я, подгоняемая Вилькой чуть ли не пинками, – пить хочу. От этого искусственного солнца жажда, как в Сахаре.

– И не думай, – отозвалась та, пыхтя, и не сбавляя темпа, – у нас режим жесткой экономии – никаких лишних расходов.

– Что и стакан сока нельзя?

– Водичкой обойдешься. Из-под крана.

– Сердца у тебя нет! Где хоть кран-то?

– Сейчас до парикмахерской дойдем, и попьешь, Главное

– расслабься.

Разговаривать с Вилькой в таком состоянии – гиблое дело.

Пока программу не выполнит – не отпустит. Потому вопить, что про парикмахерскую уговора не было, я не стала.

Часа через два, а может, и больше, когда мои бедные волосы подверглись всевозможным экзекуциям, и мастер сняла накидку, я нехотя открыла глаза, так как вняла Вилькиному совету и расслаблялась. И так, я открыла глаза и... Голова моя напоминала магнит, брошенный в ящик с металлической стружкой – совершенно невероятные упругие пружинки обрамляли мою красную физиономию. Я застонала:

– Вилька...

Та мирно сопела в кресле, прижав к груди повести Куприна. Услышав мои стоны, она встрепенулась и вывалилась наружу:

– О, ты прекрасна, возлюбленная моя! Кудри твои... – видно, общение с классиком серьезно повредило ей мозги.

– Тихий ужас, – обреченно вздохнула я.

– Деньги давай, – скомандовала Вилька и назвала цифру, от которой у меня спиральки на голове встали дыбом. – А ты что хотела?

Мы вышли на улицу, я вздыхала не переставая.

– Тебе не нравится? – растерялась Вилька. – Тебе очень

идет – правда, правда...

Я потрогала рукой бешеную гриву, вываливающуюся из-под капюшона куртки.

– Привет, девчонки! – раздалось рядом. – Куда путь держим, может, по пути? – Парень в кожанке высунулся из окна БМВ.

– На автобус – ответили мы и двинулись в сторону остановки.

Черный автомобиль медленно двинулся вдоль тротуара.

– Подвезем куда надо. Эй! – не унимался коротко стриженный крепыш.

– Нам в другую сторону, – ответила Вилька, притормозив на ходу, усиленно чиркая зажигалкой в попытках прикурить.

– Пойдем скорее, – дернула я ее за рукав.

– Не понял. Нам, кажется, хаят. – Машина резко остановилась, и парень вырос на нашем пути, как тень отца Гамлета.

Перебитый нос и ушки пельменьками говорили о бойцовском характере и тяжелом детстве.

– Нет, ребята, ну, правда, не по пути, – миролюбиво улыбнулась я, и мы дружно развернулись в другую сторону.

– Стоять, мочалки! – Парень скакнул наперерез – скорости броска позавидовал бы сам Мухаммед Али. – Вован, ты посмотри, эти козы драные явно хаят. Есть предложение поучить манерам.

Мы оглянулись. Внешность Вована была еще более коло-

ритной. Стало неудобно. Малой кровью не обойтись, тоскливо подумалось мне. Я оглядела комплекцию парня – в ближнем бою шансов просто не было. Оставалось одно – делать ноги, но Вилька, как всегда, была на высоченных каблуках. Вован меж тем, гадко щерясь, выпрастывал массивное тело из салона.

Я мысленно сосчитала секунды до приближения Вована, потом закинула сумку за спину и, резко нагнувшись, схватила парня под коленки и боднула головой в живот. Прием, не раз выручавший в потасовках с дворовыми хулиганами, не подвел и сейчас – парень взмахнул руками и грузно шлепнулся на землю, крепко приложившись стриженным затылком об асфальт. Недолго думая, я схватила за руку Вильку, которая так и стояла с открытым ртом и горячей зажигалкой, и мы дернули со всех ног.

Несмотря на каблуки, Вилька резво неслась впереди меня. Мы свернули за угол, Вилька подбежала к поребрику и замахала руками в надежде поймать тачку. К счастью, одна из машин затормозила рядом с нами, и мы запрыгнули в салон.

– Ничего себе за хлебушком сходили! – бормотала Вилька. – Это что ж получается – приличной женщине уже и на улицу выйти нельзя? Хвоста нет? – то и дело интересовалась она, нервно оглядываясь. Я тоже оглядывалась, но, естественно, ничего не видела.

– Все БМВ на одно лицо, как тут разглядишь, – успокаивала я, то ли ее, то ли себя.

– Все, стригусь наголо или перекрашусь, на худой конец.

– Нет, только пластическая операция, – заверила я.

– Ничего смешного. Тебе тоже маскироваться надо – ты ж его приложила задницей об асфальт, но второй раз твой приемчик не работает. Кстати, здорово это у тебя – хрясь и с копыт!

– Годы тренировок, – вздохнула я, – наш район исторически – самый бандитский в городе.

– Эмигрировать, что ли? – нервно хохотнула Вилька.

– Э, – отмахнулась, – бомба два раза в одно место не падает. И потом, пять миллионов жителей, вероятность повторной встречи равна нулю.

– Зато чувствуешь, как мужики столбенеют? – вдруг возрадовалась Вилька. – Это ж они на твою новую внешность клюнули.

– Вот счастье-то! Нас заметила местная гопота. Вот теперь я добьюсь, чтобы нас записали в первые красавицы королевства! – дурным голосом воскликнула я. Водила, опасно покосился через плечо.

– Точно! – закричала не менее дурным голосом Вилька и схватила меня за руку. – Идея! Класс! Мы поставим Золушку!

– Ты что – перегрелась? – попыталась я пощупать ей лоб.

– Отстань! – отмахнулась она. – Слышала же, там народ капустники готовит? Чем мы хуже?

Я пожала плечами.

– Сценарий я сегодня напишу, – бормотала меж тем Виль-

ка. – Главные роли наши, конечно. Лариску, старосту – ма-
чехой... Принца... – она подняла безумные глаза, – принца
нет...

– Вилечка, успокойся – будет тебе и принц на белом коне,
и тебя вылечат, и меня вылечат...

– Да ну тебя, – засмеялась она, но было видно, что мысли
ее витают далеко.

Мы вылезли у входа в метро и спустились на эскалаторе
вниз.

– Ладно, давай прощаться, – заторопилась Вилька. – Тебе
налево, мне направо. Домой-то доедешь? – она с сомнени-
ем посмотрела на копну моих волос, взметнувшихся вслед
уходящему поезду. – Прямо хоть охрану к тебе приставляй,
красавица ты моя, – чмокнула она меня в щеку и скрылась
в вагоне.

– Простите, не подскажите который час? – мужчина с ди-
пломатом в руке заглянул мне в лицо. Я ткнула рукой в элек-
тронное табло и прыгнула в распахнутые двери вагона.

Конечно, любая Вилькина идея требовала немедленного
воплощения. В этом я убедилась еще раз, на следующий
день, чуть не опоздав на занятия, пытаясь справиться с непо-
корной стружкой на голове. Толпа студентов стояла перед
аудиторией и дико ржала. Я подошла ближе – чтение бест-
селлера про Золушку шло к середине. Повествование бы-

ло щедро усыпано современными анекдотами и слоганами из надоевшей рекламы, и фразами из бразильских мыльных опер типа «Марианна не реви, Хосе Игнасио – вдовец – мы и тебя пристроим». Правда, Золушку ныне именовали теперь гордо – Синдереллой. В общем, пьеса прошла на ура и получила всеобщее одобрение. От желающих поучаствовать отбою не было.

– Стоп! – сказала Вилька. – Главные роли забиты, на остальные проведем конкурс.

– Ты, что ли, Золушку играть будешь? – спросил парень в очечках. – Так у тебя типаж вроде не тот.

– Нет, милый мой, я буду играть роль имиджмейкера, то бишь феи, а Синдерелла вот – прошу любить и жаловать... – и с этим словами закивала мне поверх голов. Все дружно обернулись на меня и ошарашенно замолчали.

Вилька метала глазами молнии – я, как всегда, забыла накраситься, да и не успела бы все равно, борясь со стихией волос. Зато теперь они покорно были уложены бубликом на голове. Но тут вылезла наша староста Лариска, щекастая девица гренадерского роста:

– Чудненько! Как раз для тебя роль. А я мачеху, можно? – просительно схватила она Вильку за руку.

Вилька гордо улыбнулась:

– Для тебя и писано – мать командирша!

Лариска взвизгнула и повисла у нее на шее. Тут начался гвалт, и Вилька закричала:

– Тише вы! Ролей много – всем хватит. Не хватит – допишем.

– А костюмы? А декорации? – спросила я позже.

– Ерунда, – небрежно ответила Вилька, пристально вглядываясь в проходящих мимо парней, – Это не главное. Нет! – отчаянно вдруг воскликнула она. – Принца не вижу! – Режиссерские муки только еще начинались.

И понеслось: лекции попеременно с репетициями, семинары – с примером костюмов. Вилька развила такую бурную деятельность – у нее оказались отличные организаторские способности, что вскоре половина нашего отделения была занята в спектакле, кто в артистах, кто в статистах, кто в подсобных рабочих, а другая с нетерпением ожидала оного. И все как один ходили с таинственным видом, потому как Вилька с Лариской строго-настрого запретили болтать, дабы идею не украли конкуренты.

На роль принца Вилька привела высокого смугловатого парня с копной смоляных вьющихся волос, напев ему дифирамбов о его гениальности и взяв клятву о страшнейшей конспирации. Санька учился на отделении восточных языков, носил очки и жутко комплексовал, несмотря на свою броскую экзотичную красоту, что, однако, не помешало ему проболтаться о постановке «Али-Бабы и сорока разбойников» своими сокурсниками-арабистами. Но видимо, роли ему там не досталось, поэтому он, обласканный нашим дружным коллективом, расцвел и прямо на глазах стал входить в

роль прекрасного принца.

Близились сессия и день премьеры тоже. Я стонала от ужаса, не успевая подготовиться ни к одному зачету.

– Не бойсь, – подбадривала меня Вилька, – а кому сейчас легко?

Однако спектакль потихоньку приобретал законченную форму. Декорации мы сделали, используя подручные средства и собственные хилые финансы. Но больше всех удивил Жора, безвозмездно предоставив в аренду супермодные джинсы и кожаные брюки с курткой из своего магазинного ассортимента. Но главный вклад внесла, конечно же, Вильгельмина, закадрив на улице байкера, и, обаяв его своей безраздельной любовью к мотоциклам, она договорилась о краткосрочном прокате двух шикарных байков. (Как мы уговаривали деканат о пропуске двух лакированно-хромированных чудищ в здание альма-матер, даже вспомнить страшно). Но как мы ни конспирировались, слухи все же просачивались, и в день премьеры в зал набилось столько народу, что не только яблоку, но и более мелкому фрукту упасть было некуда. Накануне восточники с блеском отыграли «Али-Бабу» с песнями, половецкими плясками и танцами живота, и я, честно говоря, мандражировала, не очень-то уверенная в собственном актерском мастерстве. Но Вилька шла к цели, как «Челюскин», разбивая в осколки все сомнения.

И вот облаченная в синий рабочий халат и со шваброй в руках, я стою за кулисами и слушаю диалог мачехи с недоте-

пой мужем, которому король въехал своим «Мерсом» в «Запорожец».

– И ты у него ничего не попросил? – грозно рычала мачеха.

– Нет, дорогая, – блеял бедный затюканный инженер НИИ. – Вот визитка с телефончиком. Сказал: «Будут проблемы – звони – перетрем».

Вилька еще раз обсыпала меня белой пудрой, дабы скрыть восхитительный загар, который все-таки появился на моем личике после энного количества сеансов. Хотя могла и не стараться особо – от страха я была даже не бледного, а какого-то серенького цвета. На голове у меня был парик опять же неопределенного серенького цвета, скрывающий до поры до времени мои изумительные кудри.

Далее сюжет развивался стремительно: Синдерелла, студентка-вечерница, подрабатывает уборщицей, в то время как мачеха и две ее дочки ведут праздную жизнь и собираются на конкурс красоты во дворец. По ночам она предводительствует шайкой байкеров и в одну прекрасную ночь знакомится с принцем, который сбежал из дворца, чтобы обкатать новенький мотик, подаренный папулей. Лиц друг друга под шлемами они не видят, но любовь вспыхивает заочно, так сказать, с первого рыка мотоцикла.

Зал стонал и плакал от смеха и несколько раз замирал то от ужаса, то от восхищения. Один раз, когда я вышла, волоча ноги и швабру. Зал затих, а после секундной паузы просто

умер от хохота – такую Золушку вряд ли кто-то мог представить. Зато, когда я въехала на сцену на рычащем мотоцикле в кожаных обтягивающих брючках и сдернула шлем с головы, зал дружно ахнул. Вилька постаралась и нарисовала мне такие глазищи, что они просто не умещались на лице, а в сочетании с копной волос, струящихся по спине, и обрызганных к тому же блестящим лаком, эффект был потрясающий.

Сцена примерки байкерской перчатки, потерянной Синдереллой, прошла, вообще, под безудержный хохот. У Лариски оказался редкостный комедийный талант. Натянув все-таки перчатку на ручку своей дочери, мачеха перекинула несчастного принца через сиденье мотоцикла и поволокла жениться. Бледный принц растеряно выслушивал отцовские наставления: «Ты это, сынок, типа за базаром следить надо». «Ну что же теперь делать-то, папа?» Папа скреб в затылке и тербил золотую якорную цепь на груди: «О, – поднял он палец с золотой печаткой, – красавица, ну-ка, прокати меня. Давненько на мотоцикле не катался». Надо ли говорить, что, когда предполагаемая невеста погребла папулю под мотоциклом, а сверху навалилась всей массой Лариска, зрители сползли с кресел и вывалились в проход от смеха.

И это был несомненный успех. Вилька сияла счастливым лицом и все никак не могла оторваться от толпы поклонников, обступивших ее со всех сторон. Я издали помахала ей рукой и пошла на выход. Мне срочно нужно было проветриться. Лицо под гримом уже чесалось и хотелось скорее до-

браться до дома, но судьбе было угодно иначе.

Не успела я выйти за ограду нашего института, как кто-то сильно толкнул меня, больно припечатав к железным прутьям спиной.

– Ну вот и встретились, коза мичуринская, – сладко произнес голос над ухом.

Я отшатнулась. «Почему мичуринская?» – как-то не к месту подумалось мне, но, посмотрев на довольную физиономию парня, возражать, не стала. Парень со знакомыми ушками-пельмешками сиял, как будто сорвал джекпот в казино. Я оглянулась, ища пути к отступлению, но с другой стороны уже возвышался Вован. Видно, парни учли свою стратегическую ошибку и поменяли тактику – теперь они стояли почти вплотную, блокируя с двух сторон. Бежать было некуда. Парни подхватили меня под руки и потащили через дорогу, туда, где в сумерках виднелся силуэт темной машины.

– Ну что с тобой сделать? – шипел парень, характеризуя такими эпитетами, что бедные мои уши сворачивались в трубочку. – Сейчас я тебя по асфальту размажу!

Я молчала, мысленно подсчитывая, во сколько обойдутся услуги дантиста и пластического хирурга. Парень грубо схватил меня за руку. И тут я разозлилась. Как и в детстве, злость накатила волной, сменив страх. В такие минуты уже ни кровь, хлещущая из носа, ни заплывший глаз не могут меня остановить.

– Давай, – процедила я со злостью, выдергивая руку из его

железных пальцев, – давай размажь меня по асфальту, рискни. Сможешь собой гордиться, нашьешь еще одну полоску на свой «Адидас». – И уставилась на него с вызовом, представляя, как я сейчас вцеплюсь ему зубами в...ну, куда дотянусь, а там уже как получится.

– Какие еще полоски? Сдурела, коза? – парень явно не мог делать два дела одновременно – думать и размазывать, кого бы то ни было.

Я скривилась и, указывая пальцем на полоски его фирменных кроссовок, пояснила:

– В войну летчики рисовали звезды на фюзеляже – по числу сбитых самолетов. Фильмы-то про войну смотрел, ну хоть в детстве?

Процесс думанья был непривычен и отнимал слишком много энергии – парень застыл, уставившись на свои ноги. Считает до трех, догадалась я.

– Ну, помнишь, фильм про летчиков «...раскудрявый, клен зеленый, лист резной», – напела я, пытаюсь облегчить ему задачу.

Вероятно, до трех парень все-таки считать умел, потому что загоготал и чему-то обрадовался:

– Точно, клен зеленый, лист резной. Смуглянка. Вован, помнишь, как он кузнечиков ловил?

Вован молча наклонил бритую голову, что, очевидно, означало согласие.

– Мужик там в подштанниках бегал, га-га-га, – вдруг за-

ржал он.

Меня передернуло. Лучше бы он молчал – смеющийся Вован, зрелище не для слабонервных. Они отсмеялись и уставились на меня – совместное песнопение, как-то не укладывалось в намерение расправиться со мной немедленно.

– Ты это... зачем меня об асфальт приложила? – с укором потрогал парень затылок.

Я пожала плечами – риторический вопрос.

– Извини, испугалась очень. Мы ж думали маньяки какие. Сейчас так страшно по улицам ходить, ужас! – И я улыбнулась одной из своих самых невинных улыбок и взяла его за рукав. – Нет, правда, мне жаль, что так получилось. Я ж не думала, что ты так сильно ударишься. Последний раз я это проделывала в детском саду, в песочнице.

Парень улыбнулся.

– В песочнице-то, конечно, не больно. – От улыбки его лицо уже не казалось таким страшным – обычный парнишка с веселыми глазами.

– Ладно, – вздохнул он, то ли с облегчением, то ли с сожалением, протягивая мне руку, – меня Толяном зовут, а это вот, Вован. Только больше так не делай, а то ведь и... – он красноречиво мотнул головой куда-то вверх и в сторону.

Руку я пожала и, чувствуя, как немеют пальцы в железной ладони, решила, что именно так и не иначе поступлю в следующий раз, буде таковой будет иметь место. А еще лучше, сегодня же запишусь в секцию карате, дзюдо, бокса и начну

бегать по утрам.

– Матильда-а-а! – раздался вдруг дикий крик. Через дорогу, прямо сквозь несущиеся автомобили, мчалась Вилька, размахивая сумкой. Взвизгнули тормоза, Вилька отскочила в сторону и застыла.

– Сдурела, мать твою! – раздалась отборная брань водителя. Выскочивший мужик был готов растерзать несчастную нарушительницу ПДД, застывшую в двух шагах от тротуара, но, оглядев крепеньких мальчиков в кожаных тужурках, залез обратно и укатил, громко матерясь.

– За тобой что, привидение гонится? – я увела ее с дороги и прислонила к машине парней. Вилька громко икнула, переводя глаза с них на меня и обратно. – Вот, познакомься, это Анатолий, а это Владимир. А это Вильгельмина, моя подруга. А меня Матильдой зовут. – Вилька опять икнула.

– Имена у вас, как кликухи у путан, – подозрительно прищурился Толян. – И выглядите точно как из борделя.

Вилька громко заикала и замотала головой.

– Что ты, Толечка, – замахала я в ужасе руками, – мы не... не того... Мы студентки, у нас спектакль был. Это мы в гриме, а так-то мы, вообще...

Толик расплылся в улыбке, то ли от радости, что мы не того... то ли что я его Толечкой назвала.

– Ладно, ребята, мы пойдем. Надо первую помощь оказать, – я кивнула на все еще икающую Вильку. – Было очень приятно познакомиться.

Мы попрощались. Причем Анатолий оставил мне номер телефона, наказав звонить, если возникнут какие проблемы. Номер я старательно занесла в телефон, хотя и уверяла, что проблем у нас, в принципе, не бывает. На что тот с сомнением покосился на бледную Вильку, на меня, и обнадежил. «Будут». И они уехали. А Вильку я с трудом перевела через дорогу – она упиралась и отказывалась идти – а потом долго отпаивала кофе с коньяком в ближайшем кафе.

В общем, этот учебный год запомнился нам надолго, тем более что для меня он стал последним.

Весной я сообщила Вильке, что бросаю институт.

– Ты с ума сошла? – вытаращилась она.

– Тетя Ира, сестра мамина, в больнице с инсультом. Кроме нас, никого нет. Везти ее сюда из Новгорода – это кучу бумаг оформить, а ей уход нужен. Жора, сама понимаешь, магазин не может оставить, мама только-только на приличную работу устроилась. Придется мне ехать. Я уже и заявление в деканате написала на академический отпуск. Ничего. Через год сдам.

– Дела! – посочувствовала Вилька. – Обидно, конечно. Чтобы звонила мне каждую неделю, поняла?

Я пообещала звонить, на том мы и расстались.

Глава 3 Предсказанному верить?

Если подумать, то жизнь человеческая причудливо складывается из каких-то кусочков мозаики: случайности, недопонимания, нелепые ошибки и внезапная удача – вот те камешки в трубе калейдоскопа, рисующие причудливый узор нашей жизни. Нет, наверное, есть люди, составляющие себе планы на годы вперед и свято верящие, что именно по нему у них все и складывается. Наверное. Но я точно не из их числа.

Ни в каком институте через год я не восстановилась. И не потому, что не смогла, а просто не видела большого смысла. Парижское приключение хоть и ушло на второй план, но так до конца и не покинуло мое сердце. Не знаю, чего было в нем больше, в моем сердце: обиды, разочарования или сожаления, а может, наоборот – что-то, что было в нем раньше ушло и безвозвратно. Наверное, доверие и все-таки любовь. Возможно, я просто утратила смысл. Зачем что-то делать или к чему-то стремиться, если в моей жизни никогда больше не будет мужчины, которому я отдала свое сердце, и которое он просто выкинул за ненадобностью. Вилька на это всегда делала большие глаза, с жаром уверяя, что все не так, и не стоит судить о человеке, не зная причины произошедшего. В ответ я привычно махала рукой и переводила разговор на что-то другое. Да нет, конечно, я не стала мужененавистницей, но и доверие к мужской половине утратила, казалось,

навек и вечные.

Вилька получив диплом, весьма удачно устроилась личным помощником директора в одну крупную компанию. Конечно, она хотела и меня пристроить к себе в офис, но я возразила, что плохо варю кофе. На что она обиделась и целую неделю мне не звонила. А потом заявила лично и с порога брякнула: «Ну и пусть кофе, все лучше, чем за три копейки горбатиться», – намекая на ту непонятную контору, где я усиленно портила зрение за компьютером. «Пусть три, зато честные», – ответила я, на что Вилька хлопнула дверью, а я, через минуту опомнившись, догнала ее во дворе и вскоре мы уже дружно хлюпали носами на лавочке у подъезда. Потом поднялись ко мне и стали пить кофе, поминутно прося друг у друга прощения. И простив, решили, что у каждого своя судьба и своя жизнь, и каждый идет по ней как ему удобнее: я так, а она этак, но это не мешает нам оставаться подругами.

– Ты знаешь, – сказала Вилька потом, – главное ведь получать удовольствие от того, что делаешь. Вот я варю кофе и сплю с шефом, а иногда и с разными нужными людьми, но не могу сказать, что мне это так уж противно.

– Возможно, но ведь мерзко, когда тебя используют.

– А это как посмотреть. Я так считаю, что это я их использую, а когда добыюсь чего мне надо, выброшу за ненадобностью.

– А чего ж ты хочешь? – удивилась я. Оказывается, у Вильки есть цель, подумать только!

– Денег, много денег, чтобы покинуть эту долбанную страну на фиг.

Я чуть со стула не свалилась. Вот так, так – патриотка Вилька мечтает сдернуть.

– И давно это с тобой?

– А с тобой нет? – Ответила она вопросом на вопрос и добавила: – С Парижа, конечно.

– А со мной нет. – Я помолчала, переваривая мысль, потом спросила: – Что ж ты в Париже не поехала? Ты же переписывалась с тем парнем, как его, Поль? Ведь звал?

– Звал. – Вилька вздохнула, как-то тяжко. – Звал... только... Не хочу я быть иждивенкой на шее у мужа! А так – куплю виллу на Лазурном берегу, привезу бабулю, посажу на терраске, смотри – все наше – ни от кого не зависим.

Ай да Вилька! Ай да...

– Помнится, кто-то обвинял меня в чрезмерном романтизме? Неужели это заразно? – хмыкнула я.

– Это не романтизм. Денег заработать можно? Можно. Виллу купить можно? Можно.

– Не знала, что секретарь такая денежная должность, – хмыкнула я. – Сколько ты миллионов в месяц получаешь, подскажи?

– Зришь в корень, – серьезно глянула Вилька, – я как раз в процессе разработки одного стратегического плана.

– Ты что задумала-то? Сбрендила? Голова на плечах мешает? – Я не на шутку испугалась. Шутки шутками, но я

знала, если Вильке какая идея в голову придет, то все...

– Ладно, не паникуй. Нет у меня никаких идей. Пока нет. Но я думаю. Как придумаю – расскажу.

Разговор этот оставил некое беспокойство в душе. Теперь переживай за нее – наделает глупостей, собирай ее потом по частям по канавам. Больше мы с ней тему морали не обсуждали, решив оставить все как есть.

К тому времени переехала я в Жорину однокомнатную квартиру, сделала там легкий косметический ремонт и пригласила Вильку на новоселье.

– Вот видишь, мужик-то классный. Квартиру не пожалел, – порадовалась за меня Вилька.

– Просто нам стало тесно. У нас же пополнение в семье, – вздохнула я.

– Да уж, родить ребенка в сорок с лишним лет – это по нынешним временам подвиг. А ты что не рада, смотрю. Ревнуешь?

– Да нет, что ты! Я его люблю. Очень! Мне обидно, что меня как бы выселили. Так я Сашку каждый день могла видеть, а теперь ходить надо.

– Да ладно, от тебя до родителей двадцать минут пешком. Ты все же ревнуешь, – констатировала подруга с улыбкой. А у меня сюрприз. Пойдем завтра в ресторан?

– Угощаешь?

– А то!

– Ой, что-то ты финтишь, подруга. Чтоб ты в ресторан за свой счет ходила? Сомневаюсь. Опять кавалера мне подогнать хочешь? – подозрительно уставилась я на нее.

– Увидишь, – загадочно улыбнулась Вилька, – я же говорю – сюрприз.

Сюрприз Вильке, действительно, удался. Не успели мы расположиться за столиком в маленьком уютном ресторанчике, как увидели нечто невообразимое – по залу в умопомрачительно дорогом костюме шел Сергей Петрович собственной персоной. Выглядел он на штуку баксов, а может, и на две. И шел он явно к нам, потому что еще издали раскинул руки и осклабился голливудской улыбкой. Мы на какое-то время замерли, а потом кинулись ему на шею и загалдели.

– Ну что, девочки, как жизнь? – спросил он, оправляя помятый нами костюмчик.

– Слушай, звонил накануне, интересовался тобой, – шепнула мне Вилька, когда Сергей Петрович отвлекся беседой с официантом, – очень хотел с тобой увидеться. Вот и пригласил в ресторан.

– Да? – удивилась я, внезапным интересом бывшего препода, а с другой стороны, ностальгия, может, заела.

– Красота! – прошептала Вилька. – Упаковался наш политрук по высшему разряду. Не иначе как в олигархи вышел.

– Где трудишься? – спросил меня Сергей Петрович пер-

вым делом.

Я пожалала плечами:

– Да так, ничего особенного. На телефоне сижу, с клиентами общаюсь.

– А с деньгами как?

– Мне хватает.

– О, впервые вижу человека, которому хватает. Особенно женщину.

Я не очень-то люблю эти игры, в отличие от Вильки, поэтому спросила напрямик:

– У вас ко мне дело, Сергей Петрович? Давайте уж сразу, а то все кругами ходите.

– А ты совсем не изменилась, такая же ершистая и прямая.

– Честность – лучшая политика, слышали?

– И даже читал, – засмеялся Сергей Петрович. Больше он к этому разговору не возвращался.

Мы весело посидели, вспоминая годы учебы и нашу поездку. Политрук тоже не изменил своим привычкам, поговорить он любил по-прежнему, да и, право слово, ему было о чем рассказывать.

– Смотри не упусти свой шанс, – толкнула меня Вилька в бок, когда мы вышли в туалет попудрить носики.

– Ты о чем? – изумилась я.

– Дурочку-то не строй. Видишь, как мужика распирает, слюни аж до колен.

– Сбрендила? Он же старый. И потом, три, нет, четыре

года не вспоминал, а тут вдруг объявился. Странно это все.

– Тебе ж его не варить. Он с института уволился, когда я на последнем курсе училась, и, судя по прикиду, неплохо устроился, а до тебя имеет конкретный интерес. Спать-то с ним не обязательно.

– Ну спасибо. Прямо гора с плеч.

– Ой, бестолочь, – вздохнула Вилька.

Остаток вечера прошел еще веселее. Вилька присмотрела объект достойный внимания и проводила захват противника по всем правилам стратегии и тактики, я вела умные беседы с Сергеем Петровичем и ждала развязки. (Хотя должна была бежать без оглядки, да ведь если ума нет, не купишь.) И точно, Сергей Петрович был настолько любезен, что предложил развезти нас всех по домам, прямо до подъезда, так сказать. Сначала Вильку, а потом меня. Мы мчались по городу под громкую музыку и молчали. Я просто наслаждалась быстрой ездой, а Сергей Петрович, наверное, думал, как начать разговор. Наконец, кашлянул и сказал:

– Я ведь не просто так хотел с тобой встретиться. Дело у меня к тебе есть. – Хорошо хоть учел замечание и начал без обиняков. – Директорствую я сейчас в одной компании. Довольно большая фирма и филиал вот недавно открыли в другом городе. Так что кадровый вопрос стоит остро как никогда. И вот вспомнил о тебе.

– Обо мне? – удивилась я довольно искренне. – Может, вы не знаете, но я ведь так и не доучилась. Всех моих умений

– довольно бегло изъясняюсь на двух языках и все. Никакой другой пользы от меня нет и, наверное, не будет.

– А это неважно. Всему научишься. Работа не пыльная, я бы даже сказал, интересная. И с деньгами не обижу. И языки – это очень даже кстати, в перспективе как раз поездки за границу.

– За дурочку-то не держите, – засмеялась я. Мне, действительно, стало весело. – Чтоб директор, или кто вы там... генеральный, сам за сотрудниками бегал? Да вы свистните, у вас толпа перед офисом стоять будет...

– Понятно, – он помолчал. Я тоже помолчала. – Значит, думаешь, что я... – он усмехнулся, – с дурными намерениями подкатил? А у меня семья, между прочим, и дочка твоя ровесница почти. И мы ведь когда-то дружили, если я не ошибаюсь.

– Дружили, – вздохнула я виновато. – Извините. Просто неожиданно это все. Могли бы просто позвонить. Знаете, люди ведь меняются со временем, да и деньги их портят, говорят.

– Ой, портят, ты даже не представляешь насколько! Я ведь и приехал посмотреть на тебя, не изменилась ли. Время сейчас такое... думают, красивая мордаха, так и работать не надо. Сколько я их уже повыгонял, не поверишь! Устал просто. У меня сейчас сидит одна, с ногами... ни черта не делает, только ногти красит целый день да улыбается. А работать, кто будет, Пушкин?

Ну разошелся не на шутку. Я задумалась. Заманчиво, конечно. Да и Сергей Петрович не вызывал у меня неприятных ассоциаций.

– Я подумаю, – очень серьезно сказала я.

– Подумай. Ты девушка серьезная, с характером, сработаемся. Держи визитку, позвони завтра в двенадцать, если решишь. Приедешь, сама все посмотришь. Коллектив у нас хороший, тебе понравится.

Не успела я войти в квартиру, как зазвонил телефон. Конечно же, звонила Вилька.

– Ну, как все прошло?

– Отлично. Работу предложил.

– Здорово. А зарплата как?

Я сказала. Вилька присвистнула.

– Соглашайся и немедленно.

– Я думаю, – и добавила торопливо, чтобы она опять не начала меня жизни учить: – Наверное, соглашусь. Терять-то особо нечего.

– Слава богу! Первые проблески разума за столько лет. Значит, не все потеряно. Ладно, увидимся.

Конечно же, я согласилась. Работа, действительно, оказалась не слишком сложной. Сергей Петрович приставил ко мне молодого парнишку, обязанного ввести меня в курс дела и научить пользоваться всякой офисной техникой. Так что

через какое-то время я уже лихо пользовалась ксероксом, рассылала факсы и печатала на компьютере со скоростью пулемета, освоив слепой метод печати. Не все, конечно, получалось гладко с первого раза, но Сергей Петрович ошибок как будто и не видел, а успехи неизменно отмечал и ставил в пример другим сотрудникам, что, думаю, не прибавило ко мне любви с их стороны. Но я не очень переживала по этому поводу, сохраняя со всеми ровные отношения и не обращая внимания на косые взгляды.

С первой же зарплаты я купила себе новый диван, о котором давно мечтала. Теперь уже я предлагала Вильке перебраться ко мне на работу, но та отказалась. К тому времени она уже прибрала к рукам своего шефа, «большого любителя кофе», и стала, как сама говорила, «серым кардиналом».

– Кофе уже, значит, не варишь? – поинтересовалась я как-то.

– Нет, – она блаженно потянулась на моем новеньком диванчике. – Для кофе другую взяли, с мозгами пожиже, ногами подлиннее. Сама выбирала. – Вилька вытянула свои отнюдь не короткие ножки.

– Не боишься конкуренции? – засомневалась я.

Вилька засмеялась от души:

– Не боюсь. Он у меня уже ученый. Поначалу ему там в голову что-то стукнуло – вообразил себя мачо. А я что, я ничего. Скромненько так в сторону отошла. Он объект новой страсти в охাপку и на курорт модный поволок. А я ему и би-

летики, и отельчик супер-пупер, и номер для новобрачных – тридцать три удовольствия, не отказывай себе маленький ни в чем. Уехал, сказал на две недели, вернулся через пять дней. Чуть живой. Плакался потом. В душе-то он, может, и мачо, а как дело до тела, то, увы... Трудно ему в кровати скакать целыми днями. А девушка-то от большого ума решила, что чем дольше она его в постели продержит, тем больше он ее оценит. Оценил. «Видеть ее не могу», – кричал. Так что я вне конкуренции. Меня теперь берегут, холят и лелеют. Ну а ты как? Никто на твою нравственность не покушается?

– Нет, даже странно. Мужиков кругом море, а я как прозрачная, мимо меня как мимо пустого места.

– Ну, так ты же, как всегда, морду кирпичом, кто ж к тебе сунется.

– Да я бы не сказала.

Иногда мне даже казалось, что Сергей Петрович проявляет странную заботу о моем моральном облике. Мужского населения в офисе имелось в избытке, и то и дело вспыхивали бурные романы. На этом фоне мое одиночество выглядело довольно странным. Нет, первые дни наши мужчины прямо в очередь стояли, наперебой предлагая свою помощь. Но через неделю, как отрезало. Максимум, что они себе позволяли, это улыбку и неизменно вежливое: «Как дела?» Многочисленные посетители, партнеры по бизнесу и прочие особи в брюках, увидев меня за компьютером в приемной директора, расплывались в улыбке, целовали ручки и интересова-

лись, что я делаю вечером, а, выйдя из директорского кабинета, пронеслись мимо меня со свистом, забывая даже попрощаться.

– Действительно, странно, – протянула Вилька, выслушав мой рассказ. – Твой политрук прямо собака на сене – и сам не ам, и другим не дам.

– Может, оно и к лучшему, – пожалала я плечами. – Насмотрелась я на служебные романы. Вот уж, поистине, где живешь и где работаешь...

– Лирика это все и догмы. Вот я, например...

– Да ты, вообще, уникам!

– У меня наследственность хорошая, – засмеялась Вилька и брякнула совсем не в тему: – Надо машину менять, что-то моя лоханка совсем не едет. Тут у нее зазвонил телефон, и она с ходу начала орать в трубку: «Ах, тебе наших финских партнеров в аэропорту встретить? А на чем спрашивается? На той развалюхе, на которой я езжу? Да они со смеху лопнут!» – Все, – сказала она, выключая телефон, – сказал, купит мне ландо завтра же. Испугался, однако. Давай хоть кофе напьемся, а то мне сейчас еще этих финнов до вечера развлекать на голодный желудок.

Мы выпили кофе, и Вилька отбыла, строго наказав мне на прощание попросить прибавку к жалованию: «А не то так и просидишь на пятистах баксах до пенсии, а сейчас время такое, обязательно надо на черный день откладывать». Я клятвенно заверила ее, что так и поступлю, радуясь, что Вилька

вроде перестала мечтать о немедленном обогащении, во всяком случае, не строила больше безумных планов.

Ничего я, конечно, не попросила. Просто однажды, Сергей Петрович вызвал в кабинет и сказал примерно следующее:

– Мне нравится, как ты работаешь. Я бы хотел повесить тебе оклад, но, чтобы не было ненужных разговоров, поменяем тебе должность. Переведем тебя в секретари-референты. Я там приказ написал. Возражений нет, я надеюсь?

Какая разница между секретарем и секретарем-референтом понятия не имею, но вот разница между пятью сотнями долларов и семью и ежу понятна, как говорит Вилька. Поэтому я энергично закивала, что, мол, возражений нет, и уже хотела выйти, как он добавил:

– Я там тебе премию выписал в размере месячного оклада, за хорошую работу. Купи себе что-нибудь стильное. К нам скоро зарубежные гости приедут, а ты у нас как-никак лицо фирмы.

За что на меня сыплются такие блага, я решительно не понимала, и с ужасом думала, что подарки судьбы, как правило, сменяются черной полосой.

– Ерунда, – успокаивала меня Вилька, выбирая мне в модном бутике нечто стильное, как велел шеф. Знаешь анекдот? Мужик все ждал, когда черная полоса закончится, а оказа-

лось, что это была белая. Считай, что это черная полоса, дальше будет белая.

– Куда уж белее. В должности повысили, денег кучу положили. Что дальше? Машину мне дадут и квартиру в придачу?

– Посмотрим. Гляди, костюмчик клевый, примерь-ка.

Этот разговор я вспомнила и чуть дико не заржала, когда через какое-то время Сергей Петрович опять вызвал меня и спросил:

– А права у тебя есть?

– Только на мотоцикл, – я улыбнулась.

Сергей Петрович тоже заулыбался:

– Да, хороший был спектакль. Эх, было время, да. Так вот – надо бы тебе права получить. Машин у нас много, а вот водителей не хватает. А по работе иногда придется и самой ездить. Выделю тебе машину.

– Так точно! – щелкнула я каблуками, козырнула и вышла, печатая шаг. Надеюсь, Сергей Петрович оценил мою строевую подготовку.

Права я получила и теперь раскатывала на служебном «Фольксвагене». В общем, все в моей жизни как-то само собой устраивалось все лучше и лучше. Работа нравилась, с шефом ладила, зарплаты хватало. В семье тоже все было нормально. Сашка рос смышленным. Мне нравилось с ним возиться, и я с удовольствием оставалась в няньках, когда

маме с Жорой надо было куда отъехать по делам или просто поразвлечься. Не так давно Жора купил себе новую машину, а свою «Ауди» подарил мне.

Иногда начинало казаться, что все мои желания исполняются, стоит только подумать о них. Личная жизнь тоже не стояла на месте. Имидж, созданный Вилькиными усилиями, оказался на редкость удачным. Так что я пользовалась неизменным успехом у мужчин. И не скажу, что мне это не нравилось, напротив, тратила немало сил и денег на поддержание своего образа, чем очень радовала подругу. Правда, все мои романы были скоротечны и не приносили никакого морального удовлетворения. Как-то я совершенно не умела строить отношения с мужчинами. Мне очень быстро надоело сюсюкаться и потакать их слабостям. А если уж мужчина имел такую глупость, как разговаривать со мной покровительственным тоном, показывая, что он тут главный, а я так – глупый пучок перьев, то отношения могли закончиться, и не начавшись.

«И так тебе не хорошо, и так плохо, – не понимала меня Вилька, – расслабься и получай удовольствие. Все они идиоты – так пользуйся». Но так или иначе, жизнь текла своим чередом. Я уже не знала, чего бы мне еще такого у нее попросить. Как вдруг однажды шеф заявился в офис мрачнее тучи:

– Миронова, зайди ко мне.

– Что случилось, Сергей Петрович?

– У нас проблема, – мрачно заявил он, тяжело вздыхая. – Марина заболела. (Марина – наш финдиректор). Я сам поехать не могу. Другие тоже отказываются, у всех дети, собаки, рыбки... черт бы их побрал!

– Да куда поехать-то, Сергей Петрович? – не поняла я.

– Куда, куда... в Индию, – буркнул он.

– Что, правда? – не поверила я.

– Ну, ты же знаешь, что мы с индийской фармацевтической компанией договор подписали. Марина должна была им документы отвезти, и от них тоже пакет привезти. А теперь, видите ли, у нее аллергия на что-то там... Можно, конечно, почтой отправить, службой доставки, но с индусами надо лично общаться, это такой народ... я в прошлый раз месяца ждал договор, а они его просто забыли отправить. А ты все-таки по-английски говоришь. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула я. – Это, значит, вы меня хотите отправить, так, что ли?

– Умная, ты, Миронова, – усмехнулся начальник. – Только не говори, что у тебя тоже собаку не с кем оставить, не то я завою...

– Да вы что, – всплеснула я руками, – я согласна не только в Индию, но даже, к примеру, в Папуа-Новую Гвинею поехать.

– Что, правда?

– Ага, – закивала я.

– Ну и отлично, – облегченно вздохнул шеф. – Полетишь charterным рейсом, не бизнес-класс, конечно, но зато гостиница приличная. Отдашь документы, получишь от них подписанные. Но смотри, их там надо тюкать постоянно, а то не пошевелиятся. Обратно через три дня. Командировочные тебе завтра Валентина Алексеевна выдаст. Паспорт ей завтра заграничный не забудь принести. И с богом!

Самолет опустился на землю, и я сразу попала в лето. В России шла середина ноября, а здесь: «Двадцать пять градусов за бортом», – объявила стюардесса. Мы вышли из салона, держа в руках пальто и дубленки.

Да, Дели – город контрастов. В автобусе, по дороге с аэропорта, я с любопытством вертела головой по сторонам. Вот за высоким кирпичным забором виднеется чудесный сад, а в глубине можно разглядеть белоснежный дом не дом – дворец. Возле ворот охрана в униформе, беретах и белых перчатках, с ружьями на плече, а метрах в десяти от ворот к стене прилепился шалашик из веток и пальмовых листьев, вокруг которого штук двадцать грязных оборванных людей варят пищу на костре. А вот вполне приличный индеец, в костюме, галстук и с дипломатом, подошел к стене забора, поставил чемоданчик на землю, повернулся спиной и... стал расстегивать ширинку. Я отвернулась, смущенно хихикая.

– Вы еще их туалетов не видели – так сложено что-то из

кирпичиков буквой «П», спереди и с боков не видно и хорошо, – шепнула сидевшая рядом женщина.

Гостиница, действительно, оказалась приличной. Даже слишком. На входе гостей встречал бородатый швейцар в форме с галунами и тюрбане с пышным пером. В холле по стене струился настоящий водопад и падал в мраморную чашу. А замысловатый узор из цветов на мозаичном полу навевал мысли, что, наверное, в нашем офисе что-то напутали и случайно определили меня не в тот отель. Но, как бы то ни было, меня заселили в уютный номер с балконом, с которого открывался чудесный вид на внутренний двор с бассейном и солярием. «Я люблю тебя, Индия, – воскликнула я и с разбегу плюхнулась на широкую кровать, усыпанную розовыми лепестками.

Времени на выполнение дела было не так много, поэтому минут через десять я уже ехала по адресу той конторы, куда надо было отвезти пакет документов, на тук-туке, смешном мотороллере с кабинкой. Темнолицый моторикша виртуозно лавировал среди потоков транспорта, то громко выкрикивая что-то другим водителям, то принимаясь напевать что-то. Периодически он показывал мне пальцем куда-то в сторону тротуара и скороговоркой произносил по-английски:

– Золото, серебро, мохер, скидки.

Я качала головой и строго отвечала:

– Ноу.

Водитель бил себя рукой по коленке, но через пару минут

снова твердил мантру:

– Золото, серебро, мохер, скидки.

Все же ему удалось доставить меня до офиса компании. Я провела там часа два, выпив бессчетное количество чая, в итоге отдав документы именно тому, кому они были предназначены, что оказалось непросто.

– У нас зима, холодно, – извиняющим тоном говорила мне девушка в голубом сари. – Мы мерзнем и очень медленно работаем. Вы приходите завтра.

– Ага, – кивала я, обмахиваясь папкой с документами. Мне было жарко, под мышками белой футболки расплылись темные круги, мокрые волосы липли ко лбу, хотелось скорее залезть в холодный душ. – Все-таки я дождусь мистера Чапту. Позвоните ему еще раз, напомните, что его тут ждет человек из России.

Наверное, девушка все же смогла убедить Чапту приехать. Я сдала документы, заверила, что завтра, непременно завтра, приеду за ними снова и вышла наружу.

Мой рикша ждал меня у входа, радостно улыбаясь. «Золото, мохер, скидки, – повторял он привычную мантру, и я сдалась. Ликующий индус вскочил на сиденье мотороллера, словно ковбой на мустанга. – Мадам, Красный форт, золото, скидки!»

Из его воплей я поняла, что сейчас он отвезет меня в сказочное место Красный Форт, где ждут меня невероятные богатства и волшебные скидки, потому что он, Шави, приведет

меня к своему лучшему другу, который продаст мне килограмм золота по цене связки бананов.

Красный Форт, действительно, оказался красным, из красного кирпича, то есть. Величественное сооружение, окруженное массивной зубчатой стеной. Внутри, под сводами галереи, располагалось множество ювелирных лавочек. Чего там только не было! От блеска рябило в глазах. Вообще-то, я достаточно равнодушна к драгметаллам, но от этого великолепия и у меня дух захватило. Я почувствовала приближение золотой, серебряной, рубиновой, изумрудной и прочих лихорадок. Захотелось скупить все сразу и обвешаться наподобие Новогодней елки. Как зачарованная ходила я за своим импровизированным гидом Шави от прилавка к прилавку, рассматривая россыпь колечек, цепочек, сережек. Цены, действительно, были недорогими, да к тому же, думаю, еще и завышенными, в расчете на торг.

Выбрав, наконец, для Вильки серебряные серьги с синими камнями, я вышла из лавки проветриться. По галерее толпой ходили туристы и прочий люд. Прошла вереница школьников, одетых в одинаковые костюмчики и платьица. У некоторых мальчиков головы были повязаны платочками, которые заканчивались круглой шишечкой на лбу. Я удивленно проводила их глазами. Мой провожатый Шави указал на свой тюрбан и гордо сказал: «Сикх». Я кивнула и посмотрела вслед школьникам. Давно ли и я также парами шла в первый класс, а теперь вот... Как быстро бежит время.

В толпе показался весьма интересный субъект. Старик с длинной седой бородой в белом одеянии и чалме неторопливо шел от одного магазина к другому. Владельцы лавок и продавцы, сидящие на табуретках перед входом, вскакивали и, о чем-то вежливо переговорив со стариком, давали ему деньги или предлагали зайти внутрь, прикладывая руку к сердцу и, вообще, выказывали всяческое уважение. Нищих в Индии, как я уже заметила, было не счесть. Правда, этот старик к туристам не приставал, он неторопливо обходил магазины, владельцы которых почтительно кланялись ему на прощание.

Подошел он и к нашей лавочке. Хозяин, выкладывая перед очередными покупателями коробочки с украшениями, кивнул продавцу, тут же сменившему его на посту, а сам вышел на улицу и вступил в беседу со стариком, предложив тому сесть. Потом крикнул что-то вглубь магазина и через минуту появился его помощник со стаканом чая в руках. Старик присел на стул, подвинутый ему, и неторопливо стал пить ароматный напиток. Все это время я стояла рядом и тарасилась на эту сцену. Тут хозяин заметил меня и, решив, что мой потенциал, как покупателя, еще не исчерпан, указал мне на другой стул. Через минуту и я сидела почти напротив старика и прихлебывала яблочный чай из смешного грушевидного стаканчика. Он пил и, казалось, пристально разглядывал меня. Так пристально, что я задергалась и решила, что пора уносить ноги.

– Ты говоришь по-английски? – спросил вдруг старик. От неожиданности я растерялась и только кивнула. Старик отставил чашку, взял мою руку, внимательно осмотрел ее, потом взялся за другую, покачал головой и сказал: – Смерть ходит вокруг тебя. – Меня ощутимо перевернуло, а он продолжал: – Ты ищешь любовь. И ты ее найдешь. Она тоже ищет тебя.

Я улыбнулась. Все гадалки и гадатели в мире говорят примерно одно и то же. Что ж, дам немного денег: мне не жалко, а ему приятно. Этот бродячий маг, или дервиш, или кто он там, был колоритный, и я спросила для поддержания беседы:

– Когда же это случится?

Старик все не отпускал мою руку, что-то там высматривая:

– Он рядом, совсем рядом.

– Кто? – тупо спросила я.

– Мужчина из другой страны, но вы не можете встретиться. Пока нет. Не сейчас. – Тут я закусил губу. – Смерть ходит вокруг тебя. Несколько раз она будет совсем близко, но все будет хорошо. Ты умрешь в восемьдесят восемь лет.

Ну, слава богу, не так все и плохо. Я улыбнулась, пытаюсь перевести все в шутку.

– Восемьдесят восемь – это много, можно и поменьше.

– Восемьдесят восемь, – повторил он, – тебе нужен защитник, – покопался в недрах своего одеяния и достал какую-то штуку. – Твой знак рыба, – его палец ткнулся мне в грудь. Я

закивала головой, чувствуя, как леденеет в затылке. – Возьми это. – Предмет оказался акульим зубом. – Акула, – подтвердил старик, – повесь на шею и носи, – он поднялся.

Я достала из кармана десять долларов. Индус отрицательно покачал головой. Тогда я вытащила рупии и протянула их старику. Двумя пальцами, тот вытащил одну бумажку, приложил руку ко лбу, я сделала то же самое. Потом он повернулся к хозяину магазина, что-то сказал ему, махнул на него и в сторону лавки метелкой и пошел восвояси. Обернулся ко мне и, показав на шею, повторил:

– Надень это.

Я смотрела ему вслед, держа на ладони белый зуб.

Хозяин подошел и, указывая на удаляющегося предсказателя пальцем, сказал:

– Святой. Очень хороший. Надо носить, – и повел меня в лавку: – Я могу сделать оправу. Золото, серебро?

– Серебро, – ответила я.

– Полчаса, – сказал он, указывая на часы.

Через тридцать минут у меня на груди висел акулий зуб в серебряной оправе. Шави настойчиво звал продолжить осмотр лавок, но я решительно двинулась к выходу, и он покорно повез меня в отель. Всю дорогу я мрачно смотрела в пол, сжимая в руках амулет. Мне было страшно.

В гостинице я первым делом скинула пропотевшую футболку и поплелась в душ. Сосущее тревожное чувство где-то за грудиной не давал покоя. Хотелось то ли плакать, то ли

умереть.

Зеленоватая вода в прямоугольной чаше бассейна была неподвижна словно затянута пленкой. Я встала на край бортика, оттолкнулась и головой вниз вошла в прохладную воду, проплыла под водой до противоположного бортика, развернулась и пошла кролем.

– Отлично плаваешь, – раздался одобрителный голос, когда я, отдуваясь и вытряхивая воду из уха, вылезла из воды. В шезлонге с банкой пива сидел загорелый парень лет тридцати. Когда я пришла, бассейн был пуст, а тут принесла его нелегкая. Я промолчала, усиленно трясая головой. – Ты попрыгай, – посоветовал он. А что еще оставалось? Я попрыгала. Это сработало, как всегда. – Хочешь? – он протянул банку с пивом. Я отрицательно помотала головой. – Бой, – позвал он парня, который выдавал полотенца, – сока для мадам. Соку-то выпьешь? – Я завернулась в полотенце и уселась в шезлонг. – Командировка? – прозорливо спросил парень.

– Тебе бы в бродячие дервиши податься, – подала я, наконец, голос.

– О, а я уж думал, ты немая. Сергей, – и он протянул руку. – Будем знакомы. А что уже столкнулась с местными про роками? Я тут всякого навиделся. Делхи – дом родной. Лет десять сюда езжу. Это сейчас здесь двадцать пять градусов, а летом, знаешь, сколько? Жили как-то отеле без кондише-

на, один вентилятор под потолком. Вот в мокрую простыню завернешься и под него, а иначе – смерть.

Сергей болтал, прихлебывая пиво, и я потихоньку расслабилась. Ну что такого особенного сказал старик? Да ничего конкретного, обычный набор слов, рассчитанный на впечатлительных туристов. То, что он невольно попал в точку просто совпадение. Совпадение. Я решительно встала.

– Пойду, что-то есть захотелось, – и тут же спохватилась, мысленно, увидев, как Вилька показывает мне большой палец: «Молодец!». Видит бог, я этого не хотела, я просто сказала правду.

– А где ты обедаешь? – невинно поинтересовался Сергей. Я пожала плечами.

– Не знаю. Я думала чипсов каких-нибудь купить, а то меня тут запугали чумой да холерой.

– Надо знать, где обедать, я же живой и здоровый. Давай через двадцать минут в холле. Покажу классное место.

Я посмотрела на парня. Обаятельный, но блондин, а я их терпеть не могу, ну и хорошо, значит, никаких скоротечных романов не предвидится.

И мы поехали обедать. По правде говоря, заведение доверия не вызывало, но Сергей решительно повел меня внутрь, показал на прилавок, где в больших лотках лежала всякая всячина. Я развела руками: «На твой вкус, только не сильно перченое». Мы уселись за деревянный столик на улице.

– А кофе здесь варят?

– Еще какой! Лучше ты не пила нигде.

– Ну тогда мне еще и кофе.

– Сейчас или потом?

– И сейчас и потом.

– Лады.

Мы пили вкуснейший кофе в мире, не считая, конечно... ну да бог с ним, курили и трепались о жизни. Сергей рассказывал про свои индийские приключения, а я смотрела вдаль и улыбалась. Боже, как хорошо! Тут мое внимание привлек мотоцикл, проезжающий по улице. Я никак не могла привыкнуть к левостороннему движению. Проводив его взглядом, глаза остановились на белой машине, припаркованной метрах в ста от нас. А возле нее стоял мужчина, лицо его было скрыто темными очками, но... Секунду мы смотрели прямо друг на друга, потом он открыл дверцу, сел в машину, снял очки и еще раз посмотрел в мою сторону. Мотор заурчал, и машина скрылась из виду. Кажется, я закричала и вскочила, или это мне только показалось. Очнулась я оттого, что Сергей дергал меня за руку:

– Что с тобой?

Я села на место. Губы дрожали и руки тоже.

– Ты как привидение увидела.

– Почти. Что-то показалось такое.

– Это от жары. Бывает с непривычки.

Дальше мы ели почти молча. Отвечала я в невпопад и даже позволила Сергею заплатить за меня.

В гостинице поблагодарила и ушла в свой номер, выслушав предварительно совет положить мокрое полотенце на голову. Что я и сделала. Лежала как дура, с холодной тряпкой на голове, и рыдала. Я все вспоминала этот момент: вот он снимает очки, одно мгновение я вижу его лицо. «Там было слишком далеко, тебе показалось, – уверяла я себя и тут же возражала: Нет, это был он, я чувствую». Старик же сказал, что тот, кого я люблю рядом, и вот я его вижу. А я люблю? Все еще люблю? Я резко села. Радость нахлынула внезапно, безо всякой причины, стало хорошо и спокойно.

Настроение не смог испортить даже Сергей. Вечером он предложил посидеть в баре, и я, сама не знаю зачем, рассказала про амулет. Сергей закатил глаза.

– Развели тебя, как пацанку, ей-богу. Тут такие асы ходят... Идешь по улице, один тебе грязь кинет на ботинки незаметно, а другой уже со щеткой тут как тут: «Мистер, давай почищу – пять рупий».

Я нахмурилась, но ведь доллары он не взял, а мог бы.

– А сколько ты за оправу выложила? Вот! Хозяин ему потом комиссионные отстегнет.

Но я не согласилась с этим. Старик ни с кем, кроме меня из туристов, не говорил. Но Сергей больше не стал надо мной смеяться, а предложил проехаться на экскурсию в одно очень интересное место. На следующий день я снова терпеливо просидела в офисе мистера Чапты полдня, но добилась выдачи нужных мне документов. А после Сергей привез ме-

ня в старую мечеть, где во дворе стояла огромная железная колонна.

– Загадка древней цивилизации. Если обнять ее руками – двести лет жизни гарантировано.

Конечно же, мне захотелось прожить двести лет, и я полезла обнимать колонну. Обнимать ее надо было не просто так, а непременно стоя спиной, и с помощью Сереги и веселых индийцев, дежуривших здесь как раз для такого случая, мне это удалось.

– Гарантированное бессмертие за какие-то две рупии, – сказал Серега. – Красота!

Тут я решила подстраховаться и полезла к колонне еще раз, закрепить, так сказать, результат.

– Ну что, обмоем бессмертие? – спросил Сергей по дороге домой. Я кивнула, и тут он меня обнял, а я не стала сопротивляться. Мне было хорошо.

Глава 4 Иногда они возвращаются

Питер встретил нас мокрым снегом.

– О, родная слякоть! – весело крикнул Сергей, – Здравствуй, Родина!

Вилька стояла за стеклянной перегородкой, отделявшей таможеню от простых смертных. Я помахала ей рукой.

– У тебя что, зубы болят? – спросила я, глядя на ее перекошенное лицо.

– Хуже, – она мрачно посмотрела на Сергея, который так и сверкал глазами.

Чтобы Вилька не среагировала на красавца-блондина... Значит, что-то и правда случилось. Я торопливо простилась с парнем, пообещав не пропадать.

– Да, что стряслось-то? Фирма обанкротилась или деньги отменили? – я пыталась развеселить ее. Но Вилька сосредоточенно вела машину сквозь снежный буран.

– Хуже, – повторила она и добавила: – Бабушка. – И замолчала.

Я ахнула.

– Что с ней? Заболела? Только не говори, что умерла. Это невозможно!

– Хуже.

– Да что ты заладила – хуже, хуже. Или говори или не де-

лай такое лицо, а то я решу, что произошла вселенская катастрофа.

Вилька мрачно посмотрела на меня.

– Дедушка объявился.

– Что? Как объявился? Он же умер или я что-то путаю?

– Умер... один, а другой объявился.

– Слушай, или ты говоришь толком или я тебя поколочу.

– Дедушка, который умер, был вовсе не мой дедушка, – терпеливо стала объяснять Вилька. – Это был просто бабушкин муж, а ребеночка, то есть папу моего, как теперь выяснилось, бабушка родила совсем от другой дедушки, прости господи.

– Так, понятно теперь более-менее. А дедушка у нас кто будет? Неужели алкаш какой-нибудь, иначе с чего тебе так злиться? Или я ошибаюсь? – я пыталась шутить. – Неужели богатенький Буратино из Америки?

– Да вот именно, что Буратино.

– В каком смысле?

Вилька посмотрела на меня, ноздри ее раздувались.

– Китаец! Вот в каком!

– Что?! – я истерично хохотнула, и Вилька резко нажала на тормоза. Сзади раздалось оглушительное бибиканье, и нас быстро обогнал огромный джип.

– Ты что сбрендила?

Вилька повернула ко мне совершенно белое лицо, руки сжимали руль так, что он скрипел.

– Китаец он, китаец, самый настоящий! – и зарыдала.

Толку от нее было мало, поэтому я пересела за руль и повезла нас к себе домой.

– Ну и чего ты так убиваешься? – спросила я, выслушав совершенно фантастическую историю, и напоив ее кофе.

– Если ты завтра узнаешь, что твой дедушка негр, ты обрадуешься?

– А что они не люди? А китайцы очень даже симпатичные. Брюс Ли, Джеки Чан...

– Перестань. Не до смеха, – и она уткнулась в подушку.

История, рассказанная Вилькой, действительно была фантастической. В середине пятидесятых дедушку, то есть уже не дедушку, а бабушкиного мужа, отправили служить на Дальний Восток. Конечно, красавицу жену он побоялся оставить дома одну и потащил за собой. И совершенно зря, как оказалось. Екатерина Альбертовна, тогда еще просто Катюша, устроилась медсестрой в госпиталь. И вот как-то к ним привезли раненого молодого китайца. Он переходил границу, и его подстрелили. По статусу он был нарушителем, военнопленным, но врачи считали его безнадежным, и махнули рукой, а Катюша продолжала за ним ухаживать и выходила, вопреки всем прогнозам. Когда китаец пошел на поправку, тут-то и вспыхнула их любовь. Лежал он в отдельной палате, так что влюбленным было раздолье, особенно в ночное дежурство. Как-то Катюша услышала разговор мужа по теле-

фону: на следующий день китайца должны были перевести в другое место. Собрав кое-какие вещи мужа и немного денег, она отнесла это в госпиталь любимому. На следующий день особысты обломились – палата была пуста. Все. Больше они никогда не встречались.

– И что? – я скептически хмыкнула. – Так не бывает. Санта-Барбара какая-то.

– Главное, бабушка верит.

– Да чушь все это! И что, ребеночек родился с косенькими глазками, и муж это съел?

– Да он сам был не то чуваш, не то татарин. На меня посмотри – откуда у меня глазки такие?

Глазки у Вильки и правда были замечательные – голубые, огромные и, правда, чуть раскосые.

– Глазки у тебя что надо. Тебе еще, может, и спасибо-то дедушке с бабушкой сказать надо – такую красавицу породили. Только вот непонятно, где он все это время шлялся, а тут вдруг объявился.

– Бабуля его отыскала, в интернете.

– Где? Туда-то она как попала?

– Ну, ты ж ее знаешь! Куда все – туда и она. Все в интернет, и она, понятное дело, тоже. Там сайт какой-то – все друга ищут. Она и написала, мол, такая-то ищу такого-то. А тут ей письмо и пришло по электронной почте. Звонил уже, приезжает наведни. Бабушка обязательно велела тебе быть.

– А я-то здесь причем? Это дело семейное.

– Не знаю. Сказала привезти тебя обязательно. Я думаю, ей поддержка нужна от незаинтересованного лица. Папа уж больно переживает. Шутка ли, всю жизнь отцом гордился, думал, герой войны, генерал, а тут вдруг оказывается, что шпион.

– Как шпион?

– А ты думаешь, он через границу лез на сопки любоваться?

– Да – это круто. Но давай посмотрим на это с другой стороны – живой пес лучше мертвого льва. Все-таки дед родной, да еще иностранец. В Китай съездишь, с родственниками познакомишься. Интересно ведь.

– Он в Америке живет. Фирма у него своя и вообще...

– Ну, ты даешь! И ты мне еще плачешь тут? Это же то, о чем ты мечтала. Разве нет? Вот тебе вилла на Лазурном берегу и прочие удовольствия.

– Нет, я не этого хотела. Я хотела сама, своими руками. Чтоб ни от кого не зависеть.

– Понятно. Мы легких путей не ищем. У советских собственная гордость – на буржуев смотрим свысока. Ладно, давай я тебя развлеку немного, – и я принялась доставать из сумки всякие экзотические вещи. – Вот смотри, это хвост павлиний – один тебе, один мне. Их, вообще-то, нельзя вывозить, но мы их с Серегой скрутили, скотчем замотали и на дно упрятали. Это вот тебе свитер, настоящая ангора – Серега выбирал, не туфта какая-нибудь. А вот это мы с ним

браслеты в магазине покупали, бронза с перламутром. Так увлеклись, что штук десять купили – уж больно азартно он торговался.

– Что-то этот Серега у тебя с языка не сходит, – подозрительно спросила Вилька, шмыгая носом и вытирая слезы ладонью. – Влюбилась никак?

– Да нет, просто хороший парень.

– Видела я этого хорошего, и кольцо на пальце тоже хорошее.

Ну, Вилька в своем репертуаре – как бы хреново ей не было, всегда обращает внимание на мелочи, в отличие от меня. Я-то кольцо срисовала не сразу, да и не до этого мне было. Вечером того дня, как Сергей повез меня обниматься с колонной, я даже подумала, что может быть... А потом увидела кольцо и удивилась, почему раньше не замечала.

В общем, мы остались друзьями, чему я, безусловно, рада – теперь, хотя была минута, когда я хотела плюнуть на условности и отпустить себя на волю, хоть на чуть-чуть...

– Себе-то чего привезла? – прервала Вилька мои воспоминания.

– Да так, по мелочи всякого. А политруку – слона бронзового, пусть в кабинете стоит.

Ну и как-то разбирая покупки, мы с Вилькой успокоились, она повеселела, и я решила, что ее можно отпустить домой – состояние у нее было удовлетворительное.

– Не забудь – в пятницу к нам, – сказала Вилька на про-

щение, обнимая вязанку павлиньих перьев, мерцающих ска-
зочными сине-зелеными глазами.

На работе шеф встретил меня ласково, за подарок побла-
годарил и торжественно водрузил слона на стол, и я верну-
лась к своим обязанностям, словно и не было никакой Ин-
дии, дервиша, предсказания. И даже амулет я заснула в шка-
тулку и постаралась забыть о странной встрече в Дели.

В пятницу я отпросилась пораньше и уже в четыре часа
была на Васильевском острове. Вильки еще не было. Вручив
хозяйке набор индийский благовоний, чему она несказанно
обрадовалась, я осторожно спросила:

– Екатерина Альбертовна, а можно я задам пару вопро-
сов?

– Валяй, деточка, – ответила та, нюхая сандаловые аро-
матные палочки. – Какая прелесть! Что тебя интересует?

– Почему? Почему сейчас? А раньше вы не пытались его
найти? Я понимаю, сначала время было такое, нельзя было.
Но потом-то?

– Видишь ли, и время было такое и все прочее... Но я ведь
думала, что его убили. Через пару дней после его побега на
границе была объявлена тревога, произошла перестрелка. И
с нашей, и стой стороны были убитые. Их стащили во двор
госпиталя. Тела закрыли брезентом, но я его узнала по бо-

тинкам, которые сама же ему и принесла. Ближе рассмотреть я не посмела – там был мой муж. Долгие годы я была уверена, что его нет в живых, а потом мне приснился Ван Ли. Он стоял передо мной, как живой, за его спиной клубилась черная непонятная масса, закручиваясь воронкой. Он взял меня за руку и сказал: «Не ходи туда, тебе еще рано. Мы скоро увидимся. Жди меня».

– И что же?

– Я должна была лететь на свадьбу к родственникам в Пичунду. И тут у меня от волнения или еще отчего поднялась температура, под сорок. Три дня пролежала в бреду. Когда очнулась, узнала, что самолет разбился при посадке. Тут-то я и поняла, что хотел Ван сказать. Не погиб он, раз меня от смерти отвел. Ну и стала я его ждать. И вот дождалась. Может, и поздновато, да уж судьба так распорядилась. Я ведь только имя и знала. Сколько таких Ван Ли в Китае? Миллионы поди...

Тут пришла Вилька, как ни странно, веселая.

– Садись, бабуля, сейчас красоту наводить будем. Китаец твой, как увидит, и с копыт долой.

– Вилька, – строго погрозила Екатерина Альбертовна ей пальцем, – не кощунствуй. Дедушка это твой. – Но глаза ее смеялись.

– Представляю себе этого дедушку, – шепнула мне Вилька. – Этакий маленький, желтенький Джеки Чан на пенсии. – Она заметно нервничала.

– Отец придет? – спросила Екатерина Альбертовна, поправляя перед зеркалом прическу.

– Нет. У него сегодня работы много, сказал.

– Понятно, – слегка вздохнула она и тут же принялась хлопотать. – Так, девочки, давайте, скатерку поменять надо. Вильгельмина, ставь чайник. Матильда, достань сервиз, надо протереть чашки. Что же мне надеть?

Она судорожно перебирала платья в шкафу и, наконец, остановилась на одном. Длинное платье, темно-синее, с кружевным воротником, шло ей необыкновенно. Со спины невозможно было сказать, сколько именно лет этой высокой стройной женщине. Честно говоря, не могла я представить красавицу Катюшу рядом с маленьким худосочным китайцем. Видно, и правда жизнь с генералом была нелегка.

Время шло, стрелка неумолимо приближалась к роковому часу.

– Бабуля, может валерьяночки накапать? – беспокоилась Вилька.

Екатерина Альбертовна отрицательно покачала головой и стала делать какие-то странные вдохи-выдохи.

– Дыхательная гимнастика Цигун, – пояснила Вилька. – А я-то всю жизнь удивляюсь, что это она все китайское обожает. Китайские фильмы у нас с экрана не сходят, – она кивнула на полку с дисками. – Нет худа без добра – я теперь, может, и с именем примирюсь – все лучше, чем какая-нибудь Вань Ю Ли.

Но тут в дверь позвонили. Екатерина Альбертовна прижала руки к груди и умоляюще посмотрела на Вильку, а та на меня. Меня пригласили открыть дверь, поняла я свою функцию – логично. Изобразила на лице бурную радость и, толкнув дверь, устремила глаза куда-то в уровень пола – по моим представлениям, именно там должна быть голова гостя. Взгляд уперся в руки в кожаных перчатках, опирающиеся на трость с массивным набалдашником. Я поднимала глаза все выше и выше, а он все не кончался, под конец мне пришлось задрать голову вверх.

– Здравствуйте, – пролепетала я.

– Я пришел к Екатерине Альбертовне, – на отличном русском языке сказал мужчина в широкополой шляпе, надвинутой на глаза.

– Екатерина Альбертовна ждет вас, – торжественно произнесла я, принимая у него трость и пальто.

Мужчина снял шляпу и обнажил совершенно седые волосы. Росту он был просто огромного, хотя с моего метра с кепкой любой рост кажется огромным, но это так – к делу не относится. Итак, высокий, стройный, худощавый, только чуть прихрамывающий... принц, да и только! Еще бы на лицо взглянуть, а то я от волнения не рассмотрела. Гость вошел в комнату, я проскользнула следом.

Вилька, открыв рот, сидела на диване. Екатерина Альбертовна по-прежнему, прижав руки к груди, стояла возле стола. Прошла как минимум минута в полном молчании, мне

показалось, что я слышу биение их сердец – мое собственное бухало как паровоз при подъеме в гору.

– Ванечка! – воскликнула Екатерина Альбертовна и бросилась, раскрыв руки, на грудь мужчине, тот подхватил ее и стал гладить по голове.

– Катюша, – прошептал он, – вот мы и встретились, наконец. Я же обещал.

Тут я почувствовала, как слезы застилают мне глаза, и бросилась вон из комнаты. Прибежав в ванну, я разревелась по-настоящему и тут увидела, что на другом конце ванны сидит Вилька и тоже рыдает, уткнувшись лицом в полотенце. Мы отрыдались, пообнимались, опять всплакнули, потом дружно умылись, поправили друг другу размытый макияж и осторожно пошли по коридору.

Приоткрыв дверь, мы аккуратно заглянули внутрь – сладкая парочка сидела на диване и о чем-то тихо разговаривала. Он все гладил ее по голове, а она теребила лацканы его пиджака. Потом он дотронулся до кружевного воротничка ее платья и, улыбнувшись, достал из внутреннего кармана кусочек кружева, но не белого, а какого-то бурого цвета.

– Я хранил его у сердца – пуля прошла на сантиметр выше. Ты опять спасла мне жизнь, как и тогда в госпитале.

– Я видела твои ботинки на убитом, – тихо ответила она, – я считала, что тебя больше нет.

– Я отдал их другу, они были мне ужасно малы, – покачал головой Ван.

– Я видела тебя во сне, – погрозила она ему пальцем, – ты обещал найти меня. И что же? Пока я сама не соизволила...

– Я искал тебя. Как только появилась возможность. Я искал жену генерала Алымова. Зачем ты сменила фамилию? Ты вышла замуж еще раз?

– После смерти мужа я вернула девичью фамилию, – простонала Екатерина Альбертовна. – Господи, какая я дура!

– Ты всегда была легкомысленна. Помнишь, как мы убежали ночью купаться, а ты свернула на кровати одеяло, чтобы казалось, что на ней лежит человек?

– Да, а ты спускался по стене словно кошка, а я висела у тебя за спиной. – И они засмеялись. Тут Екатерина Альбертовна увидела наши любопытные физиономии и позвала нас. – Девочки, идите сюда, я вас познакомлю. Вот это Матильда, а это Вильгельмина, моя внучка. А это Ван Ли, мой...

Ван вздохнул и виновато опустил голову.

– Я не Ван Ли, извини... Сейчас меня зовут Лючанг Даниэль... Прости, я не мог назвать тебе настоящее имя.

– Да что же это! – перебила его Екатерина Альбертовна, в ужасе закрыв глаза. – Я его всю жизнь ждала, искала, надеялась, а у него даже имя другое! Это как называется?

– Так – уже наезд, – пробормотала Вилька, – один ноль в пользу бабушки. Сейчас он, вообще, пожалеет, что на свет родился.

– Подожди, – Ван или как его там, явно пытался перевести стрелки, – это твоя внучка? Значит, у тебя есть дети?

Екатерина Альбертовна замялась.

– Да, сын.

– Когда он родился? – ревниво спросил Ван.

Екатерина Альбертовна неопределенно помахала рукой и кинулась к столу.

– Что ж это мы, а чай-то остыл!

Тут в прихожей затопали, зашуршали, и в комнату вошел мужчина в расстегнутом пальто.

– Папа, – пискнула Вилька и спряталась за меня.

Сцена повторилась полностью – минуту оба стояли друг против друга и молчали. Сходство их было очевидно: и рост, и фигура, и лицо. С одной только разницей – один белый как лунь, а у другого седина едва посеребрила виски в черных как смоль волосах. Потом Ван протянул руки и сказал:

– Меня зовут Даниэль, но Катюша называет меня Ваней, так что не будем ничего менять, – потом повернулся к Екатерине Альбертовне. – Как я понимаю, нам нужно объяснить-ся, Катюша.

Та опять прижала руки к сердцу и умоляющим голосом произнесла:

– Но как же я могла тебе сказать, Ванечка? Я боялась, что ты попытаешься вернуться и погибнешь. Да я бы просто погубила тебя, если б сказала.

– Ничья, – подвела я итог.

Ван растерянно развел руками и остановился в нерешительности, глядя то на Екатерину Альбертовну, то на Виль-

киного отца. Все замерли, наверное, кто-то должен был сделать первый шаг, и сделал его, как ни странно, Федор Равильевич. Он шагнул вперед, открыл рот, как будто хотел что-то сказать, но не успел – Ван шагнул ему навстречу, и они крепко, по-мужски, обнялись и потом еще долго хлопали друг друга по плечам не в силах произнести ни слова и только улыбались.

– Да, – покачал головой Ван, – вот уж не думал, что обрету в один день и сына, и внучку и...

– Как? У тебя нет детей? – изумилась Екатерина Альбертовна. – Ты, может, и не женат?

– Я всю жизнь любил только тебя. А дети появляются только от любви, – улыбнулся Ван.

«Китайская народная мудрость», – добавила я мысленно, заметив, что вопрос о жене он игнорировал. Что ж мужчины и в Африке мужчины...

Потом мы пили чай, ели торт и много смеялись. Потом Вилька подмигнула и пробежалась пальцами по столу. Что в переводе с языка жестов означало «пора делать ноги». И мы поехали ко мне, оставив счастливую пару наедине. И они это поистине заслужили.

– Ну и как тебе это нравится? – спросила, наконец, Вилька, когда мы, добравшись до дома, раскладывали диван. Всю дорогу она упорно молчала, а я вопросов не задавала, стара-

ьясь не отвлекать ее от дела – Вилькина манера вождения, в последнее время меня немного пугает.

– Да мне-то что? Главное, как тебе это нравится, – ответила я.

– Не знаю, если честно. С одной стороны, бабуля счастлива, а с другой – столько лет вешать лапшу на уши – это уже симптом. Теперь понятно, откуда у меня патологическая страсть к вранью. Ну а если посмотреть на это шире – данный случай внушает определенный оптимизм. Недаром я всегда считала – от судьбы не уйдешь. Если что-то должно произойти, произойдет – хоть через сто лет. Так что не переживай – принц твой обязательно нарисуеться рано или поздно, я так думаю, – она подняла указательный палец вверх.

– Лучше рано. Представляешь – я в кресле качалке – и тут является любимый, гремя костями. И почему принц?

– А кто же? – усмехнулась Вилька. – Сама же говорила, королевских кровей...

Вилька уже посапывала в подушку на своей половине дивана, а я все крутилась, не в силах уснуть. Подруга от переизбытка эмоций затронула тему, которую мы никогда не обсуждали по моей молчаливой просьбе. И вот теперь я вспоминала Париж, как будто пленку назад прокручивала. Странно, мне казалось, что за столько лет воспоминания должны бы потускнеть, но нет – небольшое усилие и вот он, мой историк-пират, как наяву перед глазами. Я вспомнила, что он рассказывал мне о своей семье.

Отец его происходил из древнего Ливанского рода Шехабов. Шехабы лет двести правили страной, пока ее не захватили турки, потом Ливан оказался под протекторатом Франции и Англии. Когда в стране началась гражданская война, все, кто мог, поспешили уехать. Уехала во Францию и семья Эрика. Потом, когда война более-менее закончилась, они вернулись. Эрик ездил с дедом-археологом на раскопки, слушал рассказы другого деда, эмира Мишеля Шехаба, директора отдела древностей Ливанского национального музея и уже тогда знал, что ничем иным, кроме как историей, заниматься не будет. Он окончил Сорбонну, а потом работал в архивах Лувра, где было много экспонатов из Библоса и других древних Финикийских городов. У него осталось много друзей в университетской среде, вот почему в тот вечер он появился на празднике молодого вина. Он часто говорил, что мечтает откопать храм бога Мелькарта, покровителя древнего города Тира. И откопает, если найдет столько денег.

Я вздохнула. Что-то он сейчас делает? Неужели там, в Дели, мне не показалось, и это был он? Но тогда получается либо он меня не узнал, либо не захотел узнать... Но я-то узнала! И ведь он явно смотрел на меня и неизвестно как долго смотрел, а как только заметил мой взгляд тут же уехал. Значит, узнал? Черт! И еще дервиш этот так некстати появился... Или кстати? Сам того не зная, он подарил мне надежду. Призрачную, но надежду. А ведь я никогда не верила в гадания, предсказания и прочую оккультную ерунду.

– Ничего, – утешила меня Вилька. Она опять приехала ко мне и осталась ночевать, – не переживай. Главное, у тебя сейчас хоть лицо не перекашивается от одного только слова Париж, как раньше. Глядишь, и рассосется.

– Ага, как раз к пенсии, – сострила я. – Делать будет нечего, и я начну по интернету лазить и нарою там себе своего горе-историка. Как там наш бравый супершпион?

– Да ничего – клевый чувак. Сильный как буйвол. Да и как мужик еще могёт. Я думаю иным молодым за ним не угнаться.

– Да ты что! – я недоверчиво рассмеялась. – Откуда знаешь?

– Ты бы бабулю видела. Помолодела лет на двадцать. Носится по квартире, как приведение с моторчиком. Про все болячки сразу забыла. Правду бабуля про генетику говорит – метисы самые жизнестойкие особи.

– Какие метисы?

– Полукровки, то есть. Ван ведь наполовину китаец. Кстати, Ван – это фамилия. У них все наоборот. А отец у него из белоэмигрантов, мать из Манчжурии. А имя Даниэль, вариант от Данилы. Фамилия от матери, чтобы на общем китайском фоне не выделяться. Так что китайского в нем только глаза. Вот ты, например, спирохета бледная – без слез не взглянешь, это потому, что твоя славянская кровь несколько поколений не разбавлялась инородцами.

– А татары как же? – я даже обиделась за своих славянских предков.

– Ерунда. Не было никакого ига. Это все Романовы насочиняли гораздо позже, чтобы крепостничество оправдать и свое узурпаторство. Самозванцы они. Вот и свалили все на бедных татар, да еще и в монголы их записали. Где монголы, а где мы? И столько веков люди эту лабуду хавали. Вот что умелая пропаганда делает!

– Ну ты даешь! Где монголы, а где Романовы – между ними триста лет.

– Да какие триста, если их, вообще, не было.

– Монгол или Романовых? – уточнила я, втайне надеясь ее позлить, и не ошиблась.

– Монгол, дубина ты непонятливая, – Вилька и правда разгорячилась не на шутку, но, увидев, что я смеюсь, быстро врубилась и махнула рукой, – что с тобой говорить, ты в шорах традиционной хронологии. Возьми лучше книжку почитай, умными дядями написанную. Историки аж взвыли, а крыть-то нечем. Так – кусаются в научных трудах, да кто их читает, а вот вынести это на публичное обсуждение бояться – доказательств-то нету.

– Ох, Вилька, ну какие еще доказательства, когда это и так все знают.

– Ну и что! Каких-то пятьсот лет назад все знали, что земля плоская и стоит на трех китах. И только пара чудиков кричала: «Круглая, круглая!»

– Да, и кончили свою жизнь шашлычком.

– Первопроходцам всегда трудно, – сокрушилась Вилька, – но время-то рассудило, кто был прав. Да что я тебе рассказываю – прочитаешь, сама все поймешь.

– А если нет? – засмеялась я. – Вдруг не пойму?

– А куда ты денешься – у тебя характер такой. За это и люблю тебя – за нестандартное мышление и отсутствие догм.

– А кто меня постоянно критикует и именно за образ мышления?

– И вовсе не за это, а за то, что принца своего ждешь, призрачного.

– Призрачно все в этом мире, бушующем... – пропела я.

– Есть только миг – за него и держись... – подхватила Вилька.

– Хорошо сидим, – констатировала я.

– Угу, – кивнула Вилька, – хорошо поем. Так и просидим до пенсии с песнями. И что это нас замуж никто не берет?

– А ты никак созрела? – удивилась я. – А кто кричал – брак пережиток буржуазной морали?

– Мало ли что я кричала. Вот уедет бабуля в Америку, с кем я останусь? Придешь домой в пустую квартиру – поговорить не с кем.

– Так тебе муж для разговоров нужен?

– Исключительно для общения. А для чего другого я и так найду.

– Эх, Вилька, Вилька, просто ты еще никого не любила по-

настоящему. Вот влюбишься – все сразу по-другому станет.

– Это как у тебя, что ли? Спасибо – не надо. Ты так и будешь своего принца ждать неизвестно сколько? Ведь лет-то уже сколько прошло ой-ой-ой!

– А я не жду. Просто мне еще не встретился другой.

– Точно такой же? Ты сама понимаешь, что говоришь? С ума сойдешь с любовью вашей! Кто ее только выдумал!

– Мужчины – чтобы не платить женщинам, – засмеялась я. – И что, никогда не влюблялась по-настоящему? Хоть ненадолго, но чтоб ни дня без него не прожить?

– Почему. Было дело. Уж какая была любовь – не представляешь. Сначала-то я в него была влюблена, а он меня не замечал совсем. А уж как я подросла, да похудела, да все такое... тут и он меня заметил. Ходил за мной хвостом, никого не подпускал – всех поклонников разогнал – один остался. Под окном всю ночь мог простоять, только что серенады не пел.

– И что?

– Да ничего. Я в институте, он в училище каком-то судостроительном. Он, вообще, двоечник был, но зато гроза района – крутой. Ну а потом я шибко умная стала для него, он сказал, а он как был шпаной, так и остался. Поначалу мы еще встречались, только ничего хорошего не выходило – я в музей, а он портвейн в подъезде хлещет, я в театр, а он говорит, скучота, лучше в койке поваляться. Вижу – не тянет мой любимый, ну и распрощались.

– Так что, «меж неравных не уживается любовь»?

– Наверное.

– Но в койке-то успели поваляться?

– Фи, – сморщила она нос. – Конечно, успели. И знаешь, –

Вилька мечтательно закатила глаза, – сколько мужиков было, а этот все рано лучший. Никто пока не сравнялся по качеству, ну и по количеству тоже.

– И в чем же дело? Секс половина успеха в браке, а интеллект – дело наживное. Рядом с такой женщиной и мужчина может стать человеком. Дай парню шанс.

– Эх, – Вилька подперла голову руками, – некому больше давать. Как в армию забрали, так и с концами. В горячих точках служил, потом на сверхсрочную остался, а потом родителям бумагу прислали – пропал без вести. И не живой, и не мертвый, и на могилу не сходишь и свечку не знаешь куда ставить – за здоровье или за упокой.

– Эй ты, реветь не вздумай, – испугалась я, услышав, как она подозрительно шмыгает носом.

– Да нет, чего уж там, дело давнее. Родителей жалко. Он у них единственный, да еще и поздний. Баловали они его всячески, вот и добаловали. Я к ним забегая иногда. Они все надеются, может, найдется. – Вилька тряхнула головой и засмеялась. – Видишь, у каждого свой скелет в шкафу. Только не надо заикливаться, надо идти вперед. Помни, в одну реку дважды – не каждому дано.

– Но ведь бывает.

– Как оказалось – бывает. Но редко. Так что не мудри, а ищи себе мужа скорей, а то всех расхватают. Ты не представляешь, как ни познакомлюсь с приличным мужиком – так уже женат. Беда просто.

– Мы просто родились в неудачное время. Сейчас мужчины не мужчины – менеджеры сплошные. Тоска смертная. Ни рыба ни мясо. Ни огня в глазах, ни пороха в этих, как его, пороховницах.

– Угу, – буркнула Вилька. – Все-то тебя на порох тянет. Ну и как Толян поживает? – кольнула она меня в бок локотком.

Зловредная подружка не уставала подкалывать меня дружбой с этим парнем, словно забывая, что невольной стала причинной нашего конфликта и последующего знакомства.

Со времени, как Толик с Вованом встретились на моем жизненном пути, прошло несколько лет, и я думать не думала, что мне когда-нибудь понадобится Толикова помощь. Но жизнь вещь непредсказуемая. Ехала я как-то на своей «Ауди» по делам, как вдруг «Мерс» слева замигал поворотником и стал перестраиваться в мой ряд. Я, понятное дело, вежливо притормозила, пропуская его вперед, но это не сработало: «Мерс» тормознул и саданулся о мой бампер. По всем правилам водитель иномарки был неправ. Именно об этом я и заявила мальчикам, вылезшим и машины. Но они так не считали, обрушив на меня водопад непереводаемых идиоматических выражений, из которых я разобрала только

что-то по поводу соблюдения дистанции. Я даже не поняла сначала, что это элементарный наезд. Слушать они меня не стали.

– Значит, так, – заявил мне один, – ты знаешь, сколько стоит этот фонарь? Пятьсот баксов, да еще установка. Давай разойдемся полюбовно – гони пятьсот сейчас. Или можно завтра, но уже тысячу. Мы ведь убытки по работе терпим. Лады?

– А может, автоинспекцию вызвать? – попыталась я как-то ввести их в чувство. Пятьсот баксов за кусок стекла, совсем страх люди потеряли! Да еще и упущенную выгоду хотят на меня повесить. Беспредел!

– Давай, – быстро согласились они, и потому как гаденько все заулыбались, я поняла, что и тут мне не повезет.

Эх, говорил мне мой инструктор – учи правила, без них пропадешь, так запутают, вовек не отмажешься. Теперь вот расплачивайся. Расплачиваться, однако, было нечем – ни сегодня пятьсот, ни тем более завтра тысячи, у меня не предвиделось.

– Ну, что, вызываем гайцов? – нетерпеливо спросил один из парней.

Я судорожно думала, как выкрутиться. О том, чтобы занять у кого-нибудь такую сумму и речи не шло. Разве что у Жоры, но это был совсем уже крайний вариант.

– Если денег нет, давай паспорт, завтра принесешь. Только учти – до двенадцати, а после уже счетчик включим, –

обрадовали меня.

Вот так лишаются люди имущества и квартир, а иногда и жизни, поняла я. Как-то не верилось, что страшные истории из криминальной хроники могут произойти и с тобой. А вот, поди ж ты...

– Хорошо, сейчас позвоню, – смирилась я и принялась листать записную книжку в телефоне, пока не наткнулась на имя Толик.

Я сначала даже не вспомнила кто это, а вспомнив, набрала наудачу. Удача была на месте, и мужской голос на том конце эфира ответил:

– Слушаю, – и действительно выслушал мое робкое меканье. Даже не дав закончить сбивчивый рассказ, спросил адрес и бросил лаконичное: – Сейчас буду. Полчаса, – и отключился.

Полчаса прошли в тоскливом ожидании. Я нервно курила, сидя в машине, клянясь вовек за руль не садиться, а парни неторопливо прохаживались вокруг, негромко переговариваясь. А чего им было волноваться? Вот она я, Лохушка Лоховская. Наконец, когда я перебрала в уме все возможные варианты спасения и остановилась на единственно казавшемся реальном – бегстве, – сзади плавно подкатил огромный крузак. Лица у парней вытянулись, а Толик, не обращая на них никакого внимания, кинулся ко мне, как к старой знакомой.

– Матильда, солнце мое! – заорал он, подкидывая меня в воздух. Что ж словарный запас у Анатолия увеличился и это

радовало.

Опустив на землю, он легонько толкнул меня в сторону своего БТРа.

– Иди музыку послушай, а я тут потолкую.

Я покорно залезла в салон. Колонки ревели так, что уши закладывало, но убавить звук я не решилась, вдруг что испорчу – отвечай потом, и так вляпалась хуже некуда. Переговоры длились недолго. Парни заскочили в машину, и их как ветром сдуло. Толик залез в кабину довольный и что-то сказал.

– Что? – попыталась я перекричать колонки.

– Ужасно рад тебя видеть, – повторил он, вырубая музыку.

– А те как? – махнула я в сторону уехавших парней.

– А, бакланы, – скривился Толик, – забудь.

– Сколько я тебе должна? – спросила я, памятуя, что услуги такого рода не бесплатны.

– Да ты что! – возмутился Толик, – Я же по дружбе. И потом, – он довольно засмеялся, – я с лохов еще и денег снял, сказал, чтоб твой номер запомнили и на пушечный выстрел не смели подходить. Хотел еще и тачку отобрать за наезд на чужой территории, но уж больно рад, что тебя нашел. Так что простил на первый раз.

Понятие о справедливости у него, надо сказать, было своеобразным, как, впрочем, и о дружбе. Вот что с ним теперь делать? Я вроде должница получаюсь. Сейчас клеиться начнет, вздохнула я про себя – лучше бы мне занять пятьсот

баксов. Но Толик скоренько распрощался, не забыв, однако, взять номер телефона.

– А то опять исчезнешь до следующего наезда, – засмеялся он и укатил. Отказать я не посмела.

Проводив его печальным взглядом, я поехала по своим делам, ожидая всяческих неприятностей в дальнейшем. И Толик этих ожиданий не обманул. Очень скоро он объявился и притаранил банку какого-то импортного порошка.

– Вот, у барыги одного за долги контейнер экспроприировали, а что такое понять не можем – не по-нашенски написано.

Я удивленно вскинула брови – слово «экспроприировали» в устах Толика повергло меня в легкий шок.

– А что, я в институте два года оттянул, – похвастался Толян. – Правда, все больше на сборах бывал, но кое-чего успел нахвататься.

Порошок оказался безобидным детским питанием. Я перевела текст и пообещала сделать распечатку на русском языке, а также подсказала вариант получения сертификатов на данный продукт, благо опыт кое-какой уже имелся. Толик просиял и умчался, оставив бутылку фирменного коньяка. Я пробовала было отказаться, но безрезультатно. Французский напиток, тягуче переливающийся внутри бутылки, рождал негативные ассоциации. Я поняла, что теперь по гроб жизни буду внештатным переводчиком питерской братвы.

– Смотри на это проще, – философски заметила Вилька,

разглядывая бутылку, сиротливо мерцавшую в баре рядом с початой «Столичной», – лучше отрабатывать долг языком, чем другим местом.

Шутка получилась двусмысленной.

– Типун тебе на язык и на все другие места, – погрозила я ей кулаком. – Смотри, в следующий раз и тебя подключу, пусть твой язык тоже отрабатывает.

– Я-то здесь причем? – испуганно хлопнула та глазами. – Я под чужие тачки не подставляюсь. Это ты у нас искательница приключений.

– А кто у нас любитель каблуков? Стала бы я его об землю шлепать – мне-то стометровка не проблема?

– Нашла крайнего, – запечалилась Вилька.

Перевод я сделала и на следующий день передала Толику после работы.

– Класс! – восхитился тот, убирая бумагу и вручая очередную бутылку.

– Да не пью я коньяк! – в сердцах буркнула я.

– А что же тогда потребляешь? – удивился Толик.

– Водку, – пожала я плечами.

– Лады, – хмыкнул Толик и распахнул дверь «Круизера», – тогда садись.

Я помялась, но отступать было некуда. Ох, язык мой...

Привез он меня в какой-то ресторан. Бывший полуподвал, отделанный по европейским стандартам, поражал роскошью убранства и новейшими строительными технологиями. Мы

уселись за стол, и Толик, быстро, не глядя в меню, сделал заказ – видно, был своим и желанным гостем, потому как через пару минут перед нами появилась запотевшая бутылочка «Абсолюта» и куча всевозможных закусок, включая соленые огурчики. Я налегала на салаты и ветчинку, а Толик прояснял обстановку, рассказывая, кто, где за каким столом сидит. Выходило так, что лучшие сыны города собрались сегодня в одном месте.

– А вдруг они палить друг в друга начнут? – с сомнением спросила я, жуя бутерброд с икрой.

– Здесь не начнут – уговор такой, – успокоил Толик. Но я все же решила не расслабляться, приготовившись в случае чего закатиться под стол. – За встречу? – Толик налил нам по стопарю. Мы чокнулись, выпили. – За тебя, – последовал тут же второй тост.

Перерывов он практически не делал, в промежутках успевая рассказать какой-нибудь случай из своей насыщенной жизни, а я успевала вставить что-то вроде – живут же люди! Толик явно старался довести меня до кондиции, чтобы потом воспользоваться бесчувственным тельцем. Когда бутылка опустела, причем очень быстро, мы посмотрели друг на друга абсолютно трезвыми глазами. Толик вздохнул, а я усмехнулась, про себя, конечно.

– Ну что, еще по одной? – он подозвал официанта. Я согласно кивнула.

Бедный Толик не знал ведь о моей сверхустойчивости к

алкоголю, то есть, к водке. Так что я, соблюдая нехитрые правила – не запивать, не мешать с другими напитками и, главное, не курить, могу выпить неограниченное количество. Зато шампанское рубит меня буквально с первого бокала – вот такая шутка природы. У Толика тоже, вероятно, был свой секрет, поэтому мы с ним, громко чокаясь, опрокидывали в себя «Абсолют» и улыбались, каждый своим мыслям, я полагаю. Только я после каждой рюмки запихивала в себя кусок мяса, а Толик занюхивал хлебом и закусывал огурчиком. Мы вели неторопливый, почти светский разговор и были абсолютно трезвы.

– Пойду, попудрю носик, – улыбнулась я и направилась в туалет, но не дошла даже до вестибюля – какой-то парень загородил мне дорогу:

– И куда это мы направляемся, детка, одна и без охраны? Я ойкнула и бросилась обратно.

– Что уже все? – удивился Толик. Я мотнула головой в сторону выхода.

– Там это... может, ты меня проводишь?

– Да ладно, не бойсь. Здесь все свои, не тронут.

Но я как-то не разделяла его уверенность, и Толику пришлось меня провожать. Он прислонился к косяку и сказал:

– Давай, я на стреме, – и заржал довольный шуткой.

Я справила все свои надобности и в полной уверенности, что он честно выполняет свои обязательства, выпорхнула в коридор – Толик стоял у выхода в окружении товарищей по

оружию и думать обо мне забыл. Решив подождать его, я достала расческу и стала поправлять хвост.

– Почему берешь, красотка? – тяжелая лапа опустилась на мое плечо.

Ойкнув, я крутанулась на месте, взмахнув руками – при этом широкая массажная щетка, сочно чмокнув, вцепилась в физиономию здорового мужика. Тот замер на секунду, а потом взревел, как раненный гризли.

– Убью, шалава!

Я осела на пол, ожидая прихода пресловутого Кондратия.

– Гиря, ты что, офонарел? – Толик вырос между нами, оттащил его в сторону, хотя явно уступал в весе оппоненту.

– Твоя? – грозно прорычал Гиря.

Толик рассматривал меня какое-то время с долей сомнения – я сидела на корточках возле стены, прикрываясь злополучной расческой – и все же решил не отказываться.

– Моя, – развел он руками.

– Да... ты просто ходячая неприятность, – задумчиво произнес Толик через минуту, усадив меня за стол. – Пожалуй, надо брать над тобой шефство.

– Они меня любят, неприятности, – согласилась я, вливая в себя водку и закуривая. Руки дрожали. – Сам виноват! – накинулась я на него. – Куда ты меня привел? Да еще без подготовки. Сначала надо было инструктаж провести – что говорить, что делать, а то лапают тут всякие, а я этого не

люблю.

– Да не тронул бы он тебя, – убеждал меня Толик. – Гиря с хаты только откинулся, погулять пришел, а ты ему по морде, обидно же человеку – вот и не сдержался.

Из этого объяснения я поняла, что Гиря только что вышел из тюрьмы и решил развлечься, а тут я с расческой. Да... дела.

Гиря меж тем обходил по очереди столы, братаясь с корешами, и неумолимо приближался к нам.

– Ну что, красотка, как жизнь? – плюхнулся он за наш стол. (Как будто мы сто лет не виделись).

– Вашими молитвами, – попыталась я улыбнуться.

Гиря хохотнул и сказал, обращаясь к Толику:

– Я с вами посижу. Две недели в СИЗО парился – устал от толчеи.

Толик махнул официанту рукой, и перед Гирей тут же выросла бутылка водки и прочие аксессуары.

Мы выпили за знакомство, потом за освобождение, потом еще за что-то. От близкого присутствия этого громила я заметно нервничала и пыталась успокоиться сигаретным дымом.

– Как ты, говоришь, ее зовут? – спросил Гиря Толика, кивая в мою сторону.

– Ма...Маня, – почему-то сказал Толик.

Я округлила глаза, но возражать не стала – нехай буде Маня.

– Потанцуем? – Гирия протянул мне руку.

Молекулы спирта вкупе с никотином свое дело сделали – я нагло откинулась на стуле и затянулась сигаретой.

– Легко. Что предпочитаете – вальс, польку, танго?

Гирия ловко тяпнул стопку, не закусывая, и ухмыльнулся:

– Мне и рок-н-ролл не проблема.

– Да? – искренне удивилась я. – Идет.

Гирия сграбастал мою руку и потащил на середину зала. Вот это было шоу! Партнер-то мой, видно, делил свой досуг между нарами и танцплощадкой; я летала в его объятиях как бабочка вокруг свечки, то взлетая в воздух, то кружась волчком – в рок-н-ролле он предпочитал силовой стиль. Когда музыка смолкла, вокруг раздались аплодисменты и восторженные крики: «Во, Гирия дает!»

– Хорошо двигаешься, – одобрил меня Гирия, оттащив на место. – Занималась?

Я кивнула, пытаясь вернуть на место желудок.

– Я тоже, – вздохнул он, сжимая огромные кулаки. – Во! Видишь, какой я вес брал, мама не горюй!

Вздохнула и я, понимая, что уйти отсюда без морального или физического ущерба не получится, и с горя хлопнула две стопки подряд, пытаясь заглушить тоску. Толик скривился неодобрительно и, поднявшись, потащил меня к выходу.

– Здорова ты пить! – то ли похвалил, то ли укорил он. – Только куришь зря – для здоровья вредно.

– Все вредно, особенно жить, говорят, от этого умирают, –

буркнула я.

– Ну, бывай, – попрощался со мной Толик, высадив возле дома. – Увидимся еще.

Чудеса, да и только! Наверное, Толик не любит курящих женщин. Вот и славно, трам-пам-пам! Так и повелось: Толик периодически звонил или приезжал, и мы ненавязчиво общались исключительно на деловой основе. На моих глазах Толик остепенился, обзавелся пиджаком и галстуком и ныне пребывает в какой-то начальственной должности при каком-то бизнесе.

– Значит, Толик у нас теперь уважаемый человек, говоришь? – задумчиво повторила Вилька. – Растут люди, однако. Бабуля-то уезжает. Что я делать буду? – запричитала она. – Одна ты у меня осталась. Бедная я, бедная.

– Ужасно бедная! – фыркнула я. – Дедушка-то миллионер, поди?

– Да нет, не особо. Но на жизнь, говорит, хватает.

Глава 5 Стечение обстоятельств

Провожали Екатерину Альбертовна и Вана всем миром. Екатерина Альбертовна и правда, помолодела и в новой шубе выглядела потрясающе.

– Деточка, – сказала она, обнимая меня на прощание, – жизнь удивительно устроена – во что веришь, то и будет. Так что верь, и все будет – как сама захочешь. – И обращаясь ко всем: – Надолго я не прощаюсь. Девочки, ведите себя хорошо, – и погрозила нам с Вилькой пальцем.

Первые дни после ее отъезда Вилька жила у меня, но вскоре попривыкла и съехала с моей жилплощади, заявив, что не может спать спокойно, зная, что любимый авто подвергается еженощной опасности под моими окнами: совсем недавно Вилька пересела на новый «Нисан» и тряслась над ним как наседка. Я вновь осталась одна и вздохнула с облегчением: все-таки моя подруга хороша в умеренных дозах – ее кипучая натура не умещалась в моих малогабаритных стенах.

Екатерина Альбертовна вернулась из Америки, навезла нам кучу подарков, и... засобиралась вновь.

– Не то чтобы мне там особо понравилось, – сказала она, – но с ним я готова жить где угодно – хоть в джунглях.

Вилька тоже посетила Америку. Приехала под впечатлением, но сказала, что все равно у нас лучше.

– У нас весело жить, блин компот. Сплошной адреналин

кругом, а там скукотища одна. Представляешь – огромный домина, с бассейном, теннисным кортом и прочими удовольствиями. А поговорить не с кем. Нет, это не для меня. Ну, бабуле нравится и, слава богу.

В общем, все шло своим чередом, без особых потрясений. Иногда, правда, накатывала хандра ни с того ни с сего, тогда на помощь приходила Вильгельмина Теодоровна (по паспорту ее отца звали Теодором) вытаскивала меня в люди, и все налаживалось. Постепенно она отказалась от мысли устроить мою личную жизнь. Хотя не могу сказать, что ее вовсе не было. Иногда я знакомилась с мужчинами и даже, страшное дело, ходила на свидания, и даже иногда дело кончалось сексом. Но и только. Продолжать знакомство, как правило, мне не хотелось.

– Ну, неинтересно мне, понимаешь? – объясняла я Вильке.

Та скептически улыбалась и безнадежно махала рукой. А по поводу появившегося в моей жизни разноглазого котофея сказала:

– Первая ласточка. Синдром старой девы, как говорится, налицо. Будешь встречать старость в окружении хомячков, кошек и собачек.

– Ты еще про стакан воды расскажи, – улыбнулась я и добавила: – Только пить-то я не хочу. А кот пусть живет, раз уж сам пришел. Не выгонять же его на мороз.

Котья как раз подошел и стал тереться об Вилькины но-

ги. Она нагнулась и почесала его за ухом. Он уже вполне освоился и чувствовал себя превосходно. Длинное имя Маркиз постепенно превратилось в более короткую форму Марик. Спал он исключительно на моей кровати, и я уже привыкла засыпать под его мурчание.

И вот где-то через месяц, в конце февраля, вечером раздался звонок.

– Здравствуйте, я по объявлению. Вы нашли кота... – голос принадлежал женщине, судя по всему, не очень молодой. – Я уверена, это наш Пушок. Скажите, на нем был зеленый ошейник?

– Был, – подтвердила я.

– Ой, – обрадовалась женщина. – Это он. Понимаете, я-то ничего, а вот внушка переживает очень. Это ее котик. Родители подарили на день рождения. Он же у нас котенком выращен. Беда прямо... Я вас умоляю. Привезите нам его. Я бы и сама приехала, но я болею. Ноги у меня слабые. А внушке всего десять, а родители в разводе, у каждого своя жизнь, ребенка на меня бросили, и как хочешь... Я вам заплачу за беспокойство.

– Да ладно, ладно, – успокоила я бедную старушку. – Привезу, чего там. Адрес говорите. – Я глянула на часы. – В семь вас устроит?

– Да, конечно, – тут же согласилась женщина. – Только вы ошейник захватите, а то Пушок гулять любит, а эти ошейники сейчас такие дорогие... Господи, как все дорого стало...

Тут я быстренько попрощалась и повесила трубку.

Ближе к вечеру позвонила Вилька.

– Скучно живем, подружка, – заявила она, – в таком городе, культурная, блин, столица, а мы ни театры, ни музеи не посещаем. Я билеты в БДТ достала на сегодня. Премьера. Пойдем, ходим.

– Кота везу хозяйке. Нашлась она. Пообещала ей сегодня, – огорчилась я.

– Да ну! А ты постарайся. – Для Вильки не существовало проблем.

По дороге я купила ошейник – старый я, помнится, сняла и куда-то забросила. Все равно он никуда не годился: Марик-то успел побродяжить. А это пусть будет прощальный подарок другу. Я и правда очень старалась и приехала на час раньше, но ведь для заждавшейся хозяйки это и лучше. Восторгу ее не было предела – кот был зацелован и затискан. С громким мяуканьем он вырвался и начал обнюхивать углы.

– Проходите, проходите, дорогая, я вас чаем напою. Сейчас Леночка, внучка, придет, вот радости будет. Я ей пока не сказала, что Пушок нашелся. А то вдруг не он. Слез было бы – ужас!

Но меня ждала Вилька и БДТ, поэтому от приглашения отказалась и от денег тоже. «Радость ребенка – лучшая награда» – ответила я. В глазах Людмилы Семеновны было отчаяние.

Выходя из подъезда, я столкнулась с двумя мрачными ти-

пами, в одинаковых черных шапочках и черных же кожаных куртках. Близнецы-братья молча посторонились, уступая мне дорогу.

Встреча с прекрасным немного сгладила горечь расставания с Мариком. Я утешалась тем, что сделала доброе дело – может, на том свете зачтется.

– Надо было деньги взять, – убеждала Вилька.

– Не, я друзей не продаю, – отмахнулась я.

Следующий день я провела в приподнятом настроении, вспоминая веселую остроумную постановку. Права Вилька – надо чаще в театры ходить. Искусство – это вещь!

Где-то в конце рабочего дня в приемную вошел весьма импозантный господин, лет так пятидесяти с гаком. Весь такой ухоженный от ногтей до волос, уже редеющих, но прошедших через руки явно хорошего стилиста.

– Здравствуйте, я к Сергею Петровичу, – он улыбнулся, показав, что зубы тоже не обошли вниманием.

Я тоже заулыбалась, всем видом демонстрируя радость от его посещения, и проводила в кабинет начальства.

Через какое-то время он вышел от шефа и подошел ко мне.

– У вас такая красивая улыбка и имя чудесное! – понес он стандартную чепуху. – Я, пожалуй, переманю вас к себе. Хотите?

– Спасибо, – включилась я в игру, – боюсь, Сергей Петрович меня так просто не отпустит. Он меня слишком ценит.

– А мы его уговорим, – Дядька подмигнул и ушел, вертя на пальце ключи от машины.

– Миронова, – раздался по селектору голос шефа, – зайди-ка.

Я зашла и ахнула – Сергей Петрович весь белый полулежал в кресле.

– Что с вами? – испугалась я.

– Так, сердце что-то прихватило. Коньячку со старым приятелем выпил и вот, – он кивнул на бутылку.

– Надо валидолу. Срочно! – я кинулась за аптечкой. – Может, врача?

– Да нет, отпустило вроде.

– Что ж это у вас и лекарства никакого нет. С сердцем не шутят, – укорила я.

– Да вот ношу с собой рецепт, а до аптеки не дойти.

– Да я сбегаяю, – предложила я.

– Сбегай, – согласился шеф. – Рецепт возьми, завтра на работу принесешь. Давай иди прямо сейчас, я тебя отпускаю.

Я стала собираться, радуясь внезапно привалившему счастью. Из-за неплотно прикрытой двери послышался голос Сергея Петровича: «Я тебя прошу, давай все обсудим. Спокойно. Она ни при чем, я уверен. Давай я сам поговорю...» Тут дверь захлопнулась, и больше я ничего не услышала. С женой ругается, бедный. Семейная жизнь у шефа была не са-

хар: особенные неприятности доставляла младшенькая дочурка-оторва. Сергей Петрович с женой резко расходились во мнениях по поводу воспитательного процесса. Шеф постоянно жаловался на проблемы, а я с умным видом давала советы по воспитанию подростков на примере собственной бурной юности.

Оставив машину на парковке, я купила в аптеке лекарства по рецепту, закинула их в рюкзак за спиной и неторопливо пошла домой. Вилька все время прикалывается над моим внешним видом. «Под пацанку косишь – курточка, рюкзачок, ботиночки на толстой подошве – так только малолеток клеить». «На работе я переодеваюсь, – оправдывалась я, – а по улице ноги на каблуках портить – увольте». Я остановилась на краю тротуара, пережидая поток машин. Рядом при тормозила темная иномарка.

– Девушка, какая это улица не подскажете?

Не успела я и рта открыть, как из салона выскочили двое дюжих парней, схватили меня за шкурку и запихнули в салон.

– Эй, ребята, вы ошиблись, – затрепыхалась я, было. Сильный удар под ребра на секунду перехватил дыхание.

– Сиди молча, пигалица.

– Да в чем дело-то?

Такой же удар с другой стороны послужил исчерпывающим ответом. Я затихла, зажата телами с двух сторон. Доигралась, наверное, и впрямь за малолетку приняли. Вилька

такие ужасы рассказывала недавно про похищение подростков. Я скосила глаза, пытаясь разглядеть похитителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.